В. В. ПУГАЧЕВ

А. Н. РАДИЩЕВ

(ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ)

ГОРЬКИЙ — 1960

Глубокоуважаемому
коллеге
доктору Прохорову
от В. Пугачева
с лучшими пожеланиями
8 XII 1961. Горький

В. В. ПУГАЧЕВ

А. Н. РАДИЩЕВ

(ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОРЬКИЙ — 1960

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ГУКОВСКОГО

В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин писал: «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»[1].

С Радищева начинается история революционной мысли в России. И недаром Г. В. Плеханов писал в «Истории русской общественной мысли: «В своей Philosophie der Geschichte» Гегель, закончив обозрение истории древнего Востока и переходя к Западу, говорил: «В Греции мы чувствуем себя как бы на своей родине». Эти его слова вспоминаются мне теперь, когда от мистиков я перехожу к Александру Николаевичу Радищеву»[2].

Могучее воздействие идей Радищева испытали несколько поколений русских революционеров. А. С. Пушкин в черновике стихотворения «Памятник» восклицал:

Вслед Радищеву восславил я свободу.

Большинство декабристов прочли знаменитую книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Под влиянием Радищева формировалось мировоззрение В. Г. Белинского. Радищевская книга оказывала революционизирующее воздействие и позже — на Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добро-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.
[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 333.

любова, революционных народников 70-х годов. Его очень ценил В. И. Ленин. Первым памятником, воздвигнутым при Советской власти борцам за свободу, был памятник А. Н. Радищеву.

Имя А. Н. Радищева, борца за свободу, за народное счастье, близко и дорого советским людям. Жизнь и деятельность Радищева — образец беззаветного служения интересам Родины, своего народа, подлинного патриотизма. На это и указывал В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов».

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. ГОДЫ УЧЕБЫ

Александр Николаевич Радищев родился 20(31) августа 1749 г. в селе Верхнее Аблязово Саратовского наместничества (ныне Пензенской области)[1], родовом и самом крупном имении его отца. Здесь и прошло раннее детство писателя — первые восемь лет. По происхождению и социальному положению будущий автор «Путешествия из Петербурга в Москву» принадлежал к крупному дворянству.

Дед А. Н. Радищева, Афанасий Прокофьевич, бедный калужский дворянин, служил в «потешных» войсках Петра I, был его денщиком, служил в гвардии, стал полковником (а затем и бригадиром — чин между полковником и генералом), командиром одного из малороссийских драгунских полков, наконец, разбогател. Женившись на дочери богатого саратовского помещика Григория Облязова Настасье Григорьевне, он стал владельцем богатого села Верхнее Аблязово и нескольких имений около Малоярославца под Москвой. Отец А. Н. Радищева, коллежский асессор Николай Афанасьевич, очень образованный, просвещенный и гуманный человек, был богатым помещиком — владел 2.000 «душами», несколькими подмосковными деревнями, имел собственный дом в Москве, но жил в Саратовской губернии, в селе Верхнее Аблязово (Преображенское). Сын А. Н. Радищева, Павел Александрович, так характеризовал своего деда: «Он был довольно образован для своего времени, знал языки французский, латинский и польский. Он был нрава крутого, очень вспыльчив, но добрый помещик, любимый своими крестьянами. Его крестьянам было так льготно жить, что из соседственных деревень от других помещиков и даже из казенных селений девки охотно шли замуж в его вотчины». Своим детям (7 сыновьям и 4 дочерям—Александр Николаевич был старшим) он старался дать возможно лучшее образование. Сын писателя, Николай Александрович Радищев, вспоминает: «Стечение благоприятных обстоятельств послужило к тому, что он получил хорошее воспитание».

[1] Некоторые авторы доказывают, что Радищев родился в Москве.

Помимо «книжного» образования А. Н. Радищев уже в раннем детстве окунулся в стихию фольклора. «Первый его пестун и учитель русской грамоты был дядька его Петр Мамонтов, по прозванию Сума, к которому он обращается в вступлении к своей поэме «Бова», взятой из сказки, часто рассказываемой ему этим Сумою», — свидетельствует третий сын Радищева, Павел Александрович. Много народных сказок рассказывала и «нянюшка» Прасковья Клементьевна.

Когда Радищеву исполнилось шесть лет, был приглашен учитель-француз, оказавшийся беглым солдатом.

В 1757 году восьмилетнего мальчика отправили учиться в Москву. За два года до этого, в 1755 году, по инициативе великого русского ученого М. В. Ломоносова открылся Московский университет — первый в России. Директором его назначили Алексея Михайловича Аргамакова. Племянник его, М. Ф. Аргамаков, был родственником матери А. Н. Радищева. У него и поселили мальчика. Он учился вместе с детьми М. Ф. Аргамакова — у него дома. Детям М. Ф. Аргамакова и Радищеву давали уроки преподаватели и профессора университетской гимназии. Надзор за воспитанием детей был поручен французу, советнику руанского парламента, из-за политических преследований покинувшему родину.

В это время в Московском университете работало немало демократически настроенных профессоров, выходцев из «разночинцев»: юрист С. Е. Десницкий, медик С. Забелин, Д. С. Аничков. Поэтому уже в раннем возрасте мальчик знакомился с демократическими идеями.

В семье Аргамаковых Радищев познакомился с дворянским либерализмом. Представители его (наиболее видным из них был известный поэт М. М. Херасков), не выдвигая лозунга социального переустройства, не ставя вопроса об уничтожении крепостного права, выступали против неограниченной власти царя, настаивали на своей свободе от подчинения правительственной бюрократии, подчеркивали свое презрение к ней, порицали произвол и тиранию — правда, по отношению к дворянству. Крепостное право, по их мнению, должно быть смягчено, отличаться от рабства. Будучи сторонниками дворянских привилегий, деятели типа М. М. Хераскова требовали, однако, от дворян высоких моральных качеств, верности своему долгу[1]. С 1760 г. кружок М. М. Хераскова выпускал журнал «Полезное увеселение», и Радищев читал его. Конечно Радищев был еще мальчик. Но это был гениальный мальчик, развитый не по летам. К тому же в XVIII веке люди духовно созревали очень рано. Радищев-мальчик жадно следил за по-

---

[1] См. Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII в., М., 1939.

литической жизнью страны. А она в те годы была очень напряженной. В 1761 году умерла царица Елизавета Петровна, дочь Петра I. На престол вступил новый император — полусумасшедший Петр III. Дворянство было недовольно его внешней и внутренней политикой. В августе 1762 г. произошел дворцовый переворот. Петр III был низложен гвардией (а затем убит), на престол вступила его жена под именем Екатерины II. Она пришла к власти при поддержке либерального дворянства, возглавлявшегося Н. И. Паниным. И на первых порах новой императрице приходилось считаться с этим. Как из рога изобилия посыпались либеральные фразы и обещания. В манифесте Екатерины II о вступлении на престол обличался деспотизм Петра III и заявлялось. «Самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственною бывает причиною».

Вскоре Радищев получил возможность ближе присмотреться к новой императрице и ее двору. 25 ноября 1762 г., во время пребывания Екатерины в Москве, Радищев, в числе других 40 подростков, был определен в пажи к императрице. Первые полтора года этой придворной службы прошли в Москве. Но в 1764 году, когда большой двор императрицы отбыл в Петербург, туда выехал и Радищев. Ему приходилось дежурить в Зимнем дворце при «особах» императорской фамилии. Радищев смог увидеть изнанку придворной жизни, убедиться в лицемерии Екатерины II, не склонной идти дальше громких фраз и либеральных обещаний. Петербургская жизнь расширила политический кругозор Радищева. Он наблюдал не только придворные интриги, но и правительственную деятельность, оживление общественного движения. Это было время усиления крестьянского движения—через десятилетие вспыхнет восстание Е. И. Пугачева. Оно не явилось неожиданным. Сама Екатерина II ждала чего-либо подобного и в одном из писем к обер-прокурору Вяземскому заявила: «..если мы не согласимся на уменьшение жестокости (к крепостным) и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то против нашей воли оную возьмут рано или поздно».

Ко времени приезда в Петербург Радищеву было почти 15 лет. В столице он пробыл около двух лет — до 23 сентября 1766 года. В петербургский период жизни Радищев набрался новых впечатлений, его умственный горизонт расширился.

В 1766 году Радищев покинул Россию на несколько лет. Правительству Екатерины II понадобились образованные юристы. Было решено послать учиться в Лейпцигский университет двенадцать молодых дворян—Челищева, Рубановского, Янова, Кутузова, Татищева, Римского-Корсакова, князей

Несвицкого и Трубецкого, Зиновьева, братьев Федора и Михаила Ушаковых, Насакина. 23 сентября 1766 г. Радищев и его товарищи выехали из Петербурга. В феврале 1767 г. они прибыли в Лейпциг. В Лейпциге Радищев пробыл около пяти лет. Он вернулся в Петербург (вместе с Кутузовым и Рубановским) в конце ноября 1771 г.

Годы пребывания в Германии были временем упорной учебы. Через две недели после прибытия в Лейпциг Радищев и его друзья были зачислены на юридический факультет университета. Однако Радищев изучал не только право, но и литературу, музыку, естествознание, медицину, слушал лекции профессора философии Шмидта, пропагандировавшего этические теории французских энциклопедистов; профессора философии Эрнста Платнера, одного из передовых мыслителей своего времени, читавшего математику, психологию, эстетику; профессора канонического (церковного) права Гоммеля, читавшего уголовное право и пропагандировавшего идеи передового итальянского юриста XVIII века Беккария, его знаменитой книги «О преступлениях и наказаниях» (1764) и многих других передовых немецких ученых. При этом Радищев не замыкался в рамки университетской жизни. Он внимательно наблюдал общественно-политическую жизнь Германии. А она бурлила. Европа приближалась к французской революции. И хотя Германия отнюдь не была революционной, все же «дух времени» захватил ее. В эти годы формировалась первая немецкая литература, про которую Ф. Энгельс писал: «Единственную надежду на лучшие времена видели в литературе. Эта позорная политическая и социальная эпоха была в то же самое время великой эпохой немецкой литературы»[1]. Через несколько лет появились произведения Лессинга, Гердера, Гете, Шиллера, немецких демократов XVIII века. Процесс формирования передовой немецкой общественно-политической мысли не мог не захватить и Радищева. Но особенно могучее воздействие оказала на него французская просветительская философия. Произведения французских философов-просветителей тщательно изучались Радищевым. Сам он вспоминал впоследствии (в «Житии Федора Васильевича Ушакова»), что в Лейпциге Ф. Орлов познакомил его и Ф. А. Ушакова с книгой Гельвеция «О разуме». «Мы... читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научалися». Изучение книги знаменитого французского философа было настолько серьезно, что, по свидетельству Радищева, «Г. Грим в бытность свою в Лейпциге, извещен будучи, с каким прилежанием мы читали Гельвециеву книгу «О разуме», по возвра-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, М.—Л., 1929, стр. 7.

щении своем в Париж сказывал о сем Гельвецию». Читал Радищев и произведения других французских просветителей.

В студенческие годы Радищев и его товарищи познакомились с сочинениями одного из самых радикальных, самых демократических мыслителей XVIII века — Мабли. Вероятно, тогда же Радищев прочел сочинения знаменитого «женевского философа», идеолога французской мелкой буржуазии, Жана Жака Руссо. Книги передовых французских мыслителей, идейно подготовивших французскую революцию, ускоряли формирование революционных взглядов Радищева.

К сожалению, не сохранилось сочинений Радищева университетской поры. Но о радищевских взглядах того времени можно судить по произведениям его друга и единомышленника Федора Васильевича Ушакова. Много лет спустя, в 1789 году, публикуя биографию своего университетского приятеля —«Житие Федора Васильевича Ушакова», Радищев подчеркивал сходство своих и ушаковских взглядов в лейпцигский период жизни и в приложении к «Житию» опубликовал несколько произведений Ф. В. Ушакова, написанных в 1767—1770 годах. «Размышлении 1. О праве наказания и о смертной казни. 2. О любви. 3. Письмы о первой книге Гельвециева сочинения «О разуме».

Ф. В. Ушаков выступает приверженцем и страстным пропагандистом политического учения Руссо, сторонником республики, «народного правления». Ф. В. Ушаков принимает теорию Руссо о договорном происхождении государства, о неограниченной власти (суверенитете) народа, о правительстве как исполнителе воли народа.

В знаменитом трактате Руссо «Об общественном договоре» доказывалось, что государство образовалось в результате договора между людьми, которые, уступив государственной власти часть своих прав, подчиняются властям с тем, чтобы государство защищало интересы народа в целом. Если же правительство не делает этого, а, тем более, если притесняет нацию, то оно нарушает общественный договор и подданные тоже не обязаны больше соблюдать договор, повиноваться власти, т. е. имеют право на восстание, на революцию.

Ф. В. Ушаков соглашался с этими положениями Руссо и писал: «Народ есть общество людей, соединившихся для снискания своих выгод и своея сохранности соединенными силами, подчиненное власти, в нем находящейся; но как все люди от природы суть свободны и никто не имеет права отнять у них сея свободы, следовательно, учреждение обществ предполагает всегда действительное или безмолвное согласие». Государственная власть существует «для направления всех единственных воль и сил к общественному благу».

Ушаков всячески подчеркивал при этом преимущество республиканского правления перед монархическим. По-видимому, таких же взглядов придерживался в те годы и А. Н. Радищев.

А. Н. Радищев, Ф. В. Ушаков и даже гораздо менее радикально настроенные их товарищи, русские студенты в Лейпциге, мечтали о борьбе с тиранами. Решив, что «тираном» является их воспитатель майор Бокум, всячески притеснявший русских студентов, Радищев и его товарищи стремились оказать сопротивление этому невежественному офицеру. Впоследствии в «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев вспоминал: «Подобно как в обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начиналися сходбища, частые советования, предприятия и все, что при заговорах бывает...». После того, как Бокум как-то ударил по щеке одного из русских студентов, князя Насакина, русские юноши вынесли решение: оскорбленный должен вернуть пощечину «воспитателю». При этом Радищев и его друзья исходили из теории «естественного права», из учения Руссо: «Мы в то время начали только слушать преподавания права естественного... Не имея в шествии своем ни малейшия преграды, человек в естественном положении, при совершении оскорбления влекомый чувствованием сохранности своей, пробуждается на отражение оскорбления. От сего рождается мщение или древний закон, **око за око**». История с Бокумом была в общем невинной, но юноши, так рассуждавшие, легко могли стать революционерами. И неудивительно, что Екатерина II была возмущена поведением русских студентов и лишь благодаря хлопотам влиятельных родственников «бунт» прошел без печальных последствий для Радищева и его товарищей — они отделались кратковременным арестом. Произошло все это в июне 1767 года, через четыре с половиной месяца после приезда в Лейпциг. С каждым годом, с каждым месяцем взгляды А. Н. Радищева радикализировались. Жадно следя за общественно-политической жизнью России, он все чаще узнавал о крестьянских волнениях, о русских просветителях XVIII века.

Русские просветители 60—70-х годов XVIII века были предшественниками Радищева. Среди них было два направления. Одно — представленное передовым дворянством, колебавшимся между взглядами дворянства и так называемого «третьего сословия» — буржуазии. Другое выражало настроения разночинских кругов. Наиболее видным представителем первого течения был знаменитый журналист, книгоиздатель, общественный деятель Николай Иванович Новиков. Второе течение выдвинуло ряд видных мыслителей — философа Я. П.

Козельского, юриста С. Десницкого и других. Особенно большое воздействие оказал на Радищева Н. И. Новиков.

Н. И. Новиков в 60—70-е годы выпускал сатирические журналы «Трутень», «Кошелек», «Пустомеля», «Живописец». В них критиковались жестокость и произвол помещиков, самодержавие. Однако Новиков не был до конца последователен в этой критике.

Г. В. Плеханов в «Истории русской общественно-политической мысли» писал: «...работа мысли наших тогдашних просветителей,—по-своему, весьма полезная и почтенная, — совершалась **в пределах дворянского** горизонта. Только немногие из них покидали дворянскую точку зрения и более или менее решительно переходили на точку зрения **третьего сословия,** которой держались тогда передовые просветители Западной Европы.

Но если только немногие способны были совершить указанный переход с одной точки зрения на другую, гораздо более прогрессивную, то довольно велико было число тех, которые в течение известного периода своей жизни **колебались** между ними.

Для некоторых, — хотя и не для всех, — такие колебания были очень тяжелым, иногда прямо трагическим процессом. Между колебавшимися и много страдавшими от колебания заметнее всех Н. И. Новиков. К их числу принадлежит также и Д. И. Фонвизин»[1].

Эти колебания проявились и в отношениях к двум главным вопросам, над решением которых интенсивно работала русская общественно-политическая мысль — к крепостному праву и формам правления.

Новиков вплотную подошел к идее уничтожения крепостного права, хотел ограничения крепостничества, прекращения жестокостей помещиков, сомневался в целесообразности сохранения крепостного права и все же не решился высказаться за его полное уничтожение.

Но объективно сочинения Новикова способствовали распространению антикрепостнических настроений в России и подготовили антикрепостническую платформу Радищева и декабристов. Помимо желания Новикова, его сатирические журнальные статьи, бичующие ужасы крепостного права, воспринимались не как нападки на злоупотребления помещиков, а как выпады против крепостного права вообще. О действенности новиковской сатиры даже в XIX веке весьма красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что Н. А. Добролюбов накануне реформы 1861 г. писал про знаменитые письма

---

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. XXII, стр. 74.

старосты и помещичий приказ, опубликованные в XXVI и XXX листах «Трутня» за 1769 г.: «Эти документы так хороши, что иногда думается: не подлинные ли это».

В самом деле, староста Андрей Лазарев пишет своему помещику Григорию Сидоровичу про бедственное положение деревни, разорение крестьян: «Всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег; ...буде не помилуешь, государь, то все мы в конец разоримся». Причем сам староста отнюдь не мягкосердечен: «Неплательщиков, — сообщает он, — по указу твоему господскому на сходе сек нещадно». И все-таки в ответ на это помещик шлет приказ: «Старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку».

Огромное воздействие на Радищева и последующую русскую политическую мысль оказали выпады сатирических журналов Новикова против деспотизма, явные симпатии к английской конституции. Правда, в произведениях Новикова не было такой беспощадной критики самодержавия, как позже у Радищева. И все же эта критика была плодотворной. Новиков нападал лично на Екатерину II, на ее журнал «Всякая всячина», где печатались сочинения самой императрицы. Новиков открыл печатную полемику с царицей, с ее журналом и писал: «Госпожа Всякая Всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может...». Это звучало неприкрытым намеком на чужеземное, немецкое происхождение императрицы, на незнание ею русского языка. И далее нападение шло еще смелее и резче. «Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная, но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слухупротивных речей, которые в издании ее находятся». Здесь уже не только выпад лично против Екатерины, но и разоблачение методов «полемики» самодержавия — кнута и виселицы[1]. Новиков зло высмеивал и окружение Екатерины II, ее придворных, фаворитов, вельмож. В VIII листе «Трутня» за 1769 г. появилось письмо — «Чистосердова» — Новикова. Там, между прочим, говорилось: «В вашем зеркале, названном «Трутень», видят себя и многие знатные бояре... Намнясь при мне один такой

[1] «Всякая всячина», — журнал, формально редактировавшийся секретарем Екатерины II Козицким. Однако ни для кого не было секретом, что фактическое редакторство журнала и авторство большинства статей принадлежало самой императрице.

придворный, не господин, да еще господинчик, говорил о вашем Трутне: «Не в свои де етот автор садится сани. Он де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая де смелость не что иное, есть, как дерзновение». По существу, и это явилось журнальной атакой на самодержавие, ибо двор и императрица были единым целым.

По вопросу о форме правления Новиков высказывал и позитивные взгляды, правда, очень осторожно. Наиболее четко его позиция изложена в переведенном А. А. Леонтьевым сочинении китайского писателя XII века Чен-Цзы. «Чензые китайского философа совет, данный его государю» (опубликовано в 1770 г. в VIII листе «Трутня»). Хотя это и перевод с манчжурского, да еще сделанный не Новиковым, а его сотрудником, тем не менее, как нам кажется, здесь выражены взгляды и Новикова.

Во-первых, темы для переводов тщательно отбирались. Во-вторых, Новиков не напечатал бы этот перевод, если бы не был согласен с рядом идей, высказанных в нем. Китайский писатель рисовал образ идеального монарха. И в то же время настаивалось на необходимости хорошо обдуманных, «твердых учреждений», т. е. законов, действующих постоянно и неукоснительно. «Если учреждения твои будут легкомысленны и, следовательно, нетверды, то ведай, что не только государство свое не исправить, но и самого тебя исправить будет трудно». Разумеется, что речь идет не о нравственном самоусовершенствовании, а об исправлении ошибок монарха («самого тебя исправить»). Только твердые органические законы — по существу конституция — могут улучшить состояние государства и сделают возможным исправление ошибок царя.

В сочинении очень упорно проводится мысль, что благие намерения монархов не в состоянии заменить важнейших государственных законов — конституции. «Знай, — говорится дальше, — что не было от века такого государя, который бы не желал благополучия своим подданным, но немногие достигли до исполнения оного, а те ради того, что государи часто бывают легковерны и окружают себя льстецами, следовательно, такие не могут знать истинного состояния своих подданных, посему не могут они ни полезных делать учреждений, ни искоренять злоупотреблений, ни наказывать преступников, ни награждать добродетельных для того только, чтобы чужими смотреть глазами».

Неконституционные монархи делаются жертвой «случайных людей»[1], а это лишний раз доказывает, что царь должен

---

[1] Так называли в XVIII веке фаворитов.

править по законам, а не по произволу, говорит в пользу конституции. Монарх должен советоваться с «мужами достойными», создать при себе совет из наиболее дальновидных дворян и не принимать без них решений. «Поручай государственные дела во правление мужам достойным, ибо одному тебе в пространном твоем владении ни всего ни узнать, ни исправить невозможно».

России нужны «основные законы», т. е. конституция и совет при монархе, имеющий реальную власть.

Императорская власть должна возвышать людей по заслугам, а не по прихоти. И далее очень резко говорилось о фаворитах: «Если избрание твое будет неосторожно, но случайно, тогда не будешь знать совершенно тобою избранного; не совершенно же зная, не можешь ему во всем верить... С любимцами государскими поступает народ как с модными товарами». Это звучало очень смело в екатерининские времена.

Намек на конституцию высказывается и в другом переводе сочинения китайского писателя начала XII века Юнджена (переводчик тот же А. Л. Леонтьев). «Завещание Юнджена, китайского хана к его сыну», опубликованном во втором номере «Пустомели» за 1770 год.

Как и «Совет Чензые», «Завещание Юнджена» внешне совершенно безобидно. Но при внимательном чтении обнаруживается, что это впечатление обманчиво. Говоря о своих деяниях, китайский император пишет: «Что касается до прежних колиханцев, джургонских и ямунских, то оные сочинены были джургонскими членами неправильно и неисправно. Увидя сию неисправность, многие главы обще с верховными вельможами я переделал, некоторые против прежнего сделал полегче, а иные построже: по прилежном в том нашем труде, утвердил я их на веки с таким, однако ж, рассуждением, чтобы по тем главам, кои облегчены, исполнять непременно, а по тем, кои сделаны строже, поступать временно для того, что нетрогость употреблять должно только тогда, когда есть непорядки».

Китайский император изменил законы, регулирующие деятельность государственного аппарата и утвердил их «на веки», т. е. утвердил конституционные законы.

Итак, Новиков выступал за конституцию или, по крайней мере, за «истинную монархию», по классификации Монтескье. Как же он думал реализовать свою политическую программу?

В 60—70-е годы Новиков рассчитывал добиться смягчения помещичьей эксплуатации крестьян, прекращения барских зверств, конституции через журнальную пропаганду. Он наивно полагал, что сумеет убедить дворянство в необходимости гуманного обращения с крестьянами. Вслед за известным

поэтом Сумароковым он верил в силу дворянства, способность его заставить монарха изменить политику. В 80-е годы к этому прибавилась надежда на масонство. Казалось, что оно может нравственно переродить дворян, «самоусовершенствовать» их. Эта иллюзия усиливалась оттого, что при помощи масонских лож Новиков развернул невиданную доселе в России издательскую деятельность. Благодаря масонским организациям Новикову удалось придать широкий размах благотворительной и просветительской деятельности. В 1779 году Новиков и Шварц на деньги Демидова, Хераскова, Трубецких и других масонов создали «Учительскую семинарию» при Московском университете, содержали на стипендиях многих студентов университета, организовали «Переводческую семинарию». В 1787 году, когда был страшный голод, опираясь на масонов, Новиков собрал несколько сот тысяч рублей и купленный на них хлеб бесплатно раздавал крестьянам в Москве и во всей подмосковной усадьбе Авдотьино. Он спас от голодной смерти население сотен сел. Новиков использовал масонские ложи и в политических целях, вел переговоры с наследником престола Павлом, которого поддерживали либеральная партия во главе с Н .Паниным, масоны, которые, по-видимому, хотели помочь ему совершить дворцовый переворот[1].

Н. И. Новиков, критиковавший помещичий произвол и самодержавие, был виднейшим предшественником А. Н. Радищева и декабристов.

Но Радищев шел не только от Новикова. Огромное воздействие на него оказали и разночинские демократические мыслители середины XVIII века. Наиболее крупные среди них — Я. П. Козельский и С. Е. Десницкий были идеологами мелкой буржуазии — однодворцев, низших слоев духовенства, мелкого чиновничества. Эти слои населения занимали двойственную позицию. С одной стороны, они были заинтерес[illegible] ны в ликвидации феодального строя, с другой, — были г[illegible] вы служить помещичьему режиму[2]. Взгляды Козельс[illegible] и Десницкого отражали первую тенденцию.

Козельский, автор ряда философских работ, выступа[illegible] только против крепостничества, но и выдвигал програ[illegible] близкую к утопическому социализму. Он считал, что п[illegible] наследования привилегий и имуществ вредно, выступая, по существу, против самой основы классового неравенства: «Я много раз удивлялся тем человеческим неправым рассуждениям, что они обыкновенно называют таких обладателей неправосудными, которые за родительские преступления про-

[1] См. Г. Гуковский, Очерки русской литературы XVIII века, Л., 1938, стр. 256—268.
[2] Там же, стр. 238—239.

стирают казнь и на детей их, хотя они в том и не имели участия, и такие их жалобы и подлинно справедливы, но когда, напротив того, остается детям богатое наследие после родителей их, которых за важные службы наградили их обладатели, то они от этого не отказываются. Ежели подумать чистосердечно о сей поступке, то она не только чудна, но и смешна некоторым образом»[1].

Вот как рисует Козельский свой идеал общества, в котором все граждане—труженики: «Также сказать можно, что всякий человек создан натурально так, что ему надобно есть, пить, прогуляться, отдохнуть, но ежели он при всех сих выгодах добровольно не захочет трудиться, то законным образом можно его к тому и принудить». Следует сделать труд обязательным для всех, что даст возможность избавить простолюдинов от излишней работы. «Сии человеческие нужды, — продолжает Козельский, — в разных народах отправляются разным образом. В иных местах все сии нужды весь народ исправлять может умеренно, а в других, напротив того, одна часть народа едят, пьют, веселятся, а о труде не только не заботятся, но еще его и презирают, а другая часть народа работают и работают без отдыха; каково б то было в таком народе веселье, ежели б другая беспрестанно трудящаяся часть его не промыслила ему хлеба. Ежели б за такую праздность, неумеренную роскошь и другие излишества и пороки наказываемы были виновные денежным штрафом, то бы через то доходы в областях могли довольно увеличиться праведным и законным образом ,но жаль, что противное тому делается на свете, и во многих областях собираются подати с людей за земледелие, художества и другие полезные дела»[2].

Итак, работать должны все. Вероятно, в число не занятых трудом Козельский включал не только дворян-помещиков, но ржуа — иначе бессмысленно выражение о работе «без отку» — даже с точки зрения Адама Смита. За это же говои утверждение, что «противное тому делается на свете». казано без всяких исключений, в том числе для буржуазнглии.

риведенные выше цитаты взяты из «Предисловия к перекниги Мозера (Государь и Министр» (1766 г.). В «Фифических предложениях», вышедших в свет в 1768 году, Козельский предлагал сделать труд обязательным для всех (парагр 24). Рабочий день должен продолжаться 8 часов[3].

В «Философических предложениях» нет **термина** эксплуатация человека человеком, но **понятие** эксплуатации есть.

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, том I, М., 1952, стр. 641—642.

[2] Там же, стр. 638.

[3] Там же, стр. 536.

И Козельский не только выступает против нее, но и доказывает возможность ее уничтожения. Он разбивает довод в пользу эксплуатации, который в свое время выдвигался Аристотелем, а в России XVIII века — Сумароковым. «Люди, которые привыкли жить за счет чужого поту,—писал Козельский,— обыкновенно говорят: «На что выводить роскошь,—она-де в обществе нужна и без нее-де могут пропасть науки и художества и многие люди страдать без пропитания». На сие я отвечаю, что не могу понять, как в благоустроенном обществе могут науки, художества и люди потерпеть какой-либо вред, и думаю, что когда кому в одном состоянии прожить будет трудно, тот может вступить в другое; а ежели б и так могло сделаться, как они неосновательно думают, то все лучшее обществу быть меньше искусным в довольном и спокойном состоянии, нежели с великим искусством в ежедневной лухорадке, и крепко, то держу, что лучше не щадить наук и художеств для людей, нежели людей для наук и художеств»[1].

Эта утопическая программа была несовместима не только с крепостничеством, но и с капитализмом. Недаром он пишет: «Может быть, кто скажет, что такие мои предложения похожи на Платонову республику». Утопия Платона в то время толковалась как отрицание частной собственности — так понимал ее, например, Томас Мор.

Козельский доказывал необходимость изменения общественного строя и полемизировал с М. М .Херасковым, пытавшимся найти выход в нравственном усовершенствовании дворянства. В параграфе 393 «Философических предложений» говорилось: «Пороки народные скрыты в самих законах, и ежели кто захочет истребить пороки в каком народе, не переменяя производящих их законов, тот ищет невозможного».

Я. П. Козельский выступал за улучшение положения крестьян и по этому вопросу он полемизировал с идеологами дворянства, прежде всего с М. М. Херасковым, полагавшим, что нельзя касаться крепостнических отношений до тех пор, пока народ не просвещен. В 420 параграфе «Философических предложений» Козельский писал по этому поводу: «Многие люди беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно, и я думаю, что некоторые из них говорят сие по незнанию, что выполировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей, а другие по неумеренному самолюбию, что почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу».

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, том I, М., 1952, стр. 537—538.

Однако Я. П. Козельский не выдвигал задачи **ликвидации** крепостного права. Выступая против деспотизма, он не отрицал монархии вообще. Признавая в этическом плане право на «отомщение» обид (параграфы 183 и 185 раздела «Нравоучительная философия» в «Философических предложениях»), Козельский не ставил, однако, вопроса о революции.

Эта непоследовательность характерна и для профессора Московского университета, одного из крупнейших русских юристов, С. Е. Десницкого. Он выступал за постепенное изживание крепостного права и ограничение самодержавия, не ставил вопроса о революции.

В то же время Десницкий смело полемизировал с теоретиками абсолютизма, особенно с Пуффендорфом («Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции»), используя учение Руссо.

Однако Десницкий далеко не во всем был согласен с Руссо. Он пытался преодолеть механистичность рационалистического мировоззрения[1].

С. Я. Десницкий, как и Я. П. Козельский, принадлежал к числу выдающихся русских мыслителей XVIII века, предшественников А. Н . Радищева. И направление Н. И. Новикова и направление Я. П. Козельского и С. Я. Десницкого оказали огромное влияние на автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Внимательное изучение общественно-политической мысли, классовой борьбы в России расширяли кругозор Радищева, радикализировали его взгляды, побуждали к активной политической деятельности. Годы учения в Лейпциге промчались быстро. В ноябре 1771 года Радищев, Кутузов и Рубановский вернулись в Петербург. Радищев снова был в России — «в стране рабов, стране господ». Он вернулся на родину, преисполненный решением бороться за освобождение народа, за уничтожение крепостного права и самодержавия.

---

[1] См. Г. А. Гуковский, ук. соч., стр. 238—239.

II

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИЩЕВА В РОССИИ ДО ВЫХОДА В СВЕТ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

«В восхищении и не помня себя от радости они приближались к границе и, наконец, увидели себя на своей стороне»,— вспоминает про отца и его товарищей П. А. Радищев. Радищева и Рубановского 9 декабря 1771 г. назначили протоколистами первого департамента Сената. Они обязаны были составлять экстракты разбиравшихся в департаменте судебных дел.

Работа в Сенате дала Радищеву возможность ближе познакомиться с Россией, положением крестьянства, с борьбой последнего с помещиками. Радищеву приходилось сталкиваться с такими, например, делами: «О возмущении крепостных крестьян при петровских заводах», о «самовольном сечении на дому» солдата Алексеева новгородским помещиком Мордвиновым и т. д.[1]. Знакомство с этими делами усиливало ненависть Радищева к крепостному праву. И он **первый** в России выступает за **уничтожение** всей крепостнической системы.

Вскоре по возвращении на Родину Радищев опубликовал два произведения: «Отрывок путешествия в **И***Т***» и перевод «Размышлений о греческой истории» Мабли и примечания к ним.

В первом труде был поставлен вопрос о крепостном праве, во втором — об отношении к самодержавию и абстрактно — о праве подданных на восстание. **«Отрывок путешествия** в***И** Т***» был напечатан в «Живописце» Н. И. Новикова за 1772 год (листы 5 и XIV). Анонимный автор укрылся за инициалами «И. Т.». Вокруг расшифровки этого псевдонима уже около ста лет ведутся ожесточенные споры.

В 1858 году сын Радищева, П. А. Радищев, в «Замечаниях на статью А. С. Пушкина «Александр Радищев» писал, что части «Путешествия» печатались в «Живописце» в 1781 году и в «Северном вестнике» Мартынова (ч. V, январь, 1804 г.).

---

[1] Подробнее см. Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, М., 1956, стр. 133—141.

Другое мнение высказал реакционный литературовед А. И. Незеленов, осторожно предположивший авторство И. П. Тургенева[1]. Однако ввиду явной несостоятельности такая расшифровка инициалов «И. Т.» в науке больше не повторялась. Впоследствии ряд исследователей отстаивали авторство Радищева, ряд других ученых, наоборот, отвергали его.

Особенно много над выяснением авторства «Отрывка» работал В. П. Семенников. На основании тщательного анализа текста «Отрывка» и текста «Путешествия из Петербурга в Москву», мемуарных и документальных материалов В. П. Семенников доказал, что за инициалами «И. Т.» укрывался Радищев.

Несмотря на возражения В. П. Семенникову некоторых авторов, в советской довоенной науке утвердилось мнение об авторстве Радищева. Оно было подкреплено рядом веских соображений в трудах Я. Л. Барскова и Г. А. Гуковского. Однако в последние годы ряд авторов вновь пытаются оспаривать авторство Радищева. Здесь следует, прежде всего, назвать Г. П. Макогоненко и Л. В. Крестову, считающих автором «Отрывка» Н. И. Новикова[2]. Но один из компетентных знатоков литературы XVIII века П. Н. Берков убедительно показывает неосновательность аргументации Г. П. Макогоненко, доказывает, что автором «Отрывка» был Радищев. В самом деле. В «Отрывке» ставится вопрос об **уничтожении** крепостничества, а это отвечает взглядам Радищева, а не Новикова.

Радищев выступает против крепостнической системы в целом, против **всех** помещиков — он не делит их на «добрых» и «злых», отчего не отрешился полностью даже Новиков. Крепостное крестьянство и дворянство — два противоположных полюса. Первое неимоверно угнетается, второе ведет паразитический образ жизни. Радищев подчеркивает, что крепостным крестьянам плохо живется **во всей России.** За весь период путешествия картина оставалась неизменной. «**Бедность** и **рабство** повсюду встречалися со мною в образе крестьян». И виновато в этом дворянство. «Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение», — говорит автор «Отрывка». «Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною», — пишет Радищев. Он явно обобщает эти на-

---

[1] А. И. Незеленов Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг., СПБ, 1875, стр. 238.

[2] Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, стр. 164—170; Л. В. Крестова, Из истории журналистской деятельности Н. И. Новикова, Исторические записки АН СССР, т. 44, 1953.

блюдения и продолжает: «О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О, господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О, блаженная добродетель, любовь, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!»[1]. Далее рассказывается о посещении деревни под названием «Разоренныя». Радищев конкретизирует здесь картины нищеты крестьян, их угнетения помещиками. Обращение последних с крепостными настолько жестоко, что деревенские дети в ужасе разбегаются при одном виде барина. «...о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас как диких зверей!» — восклицает Радищев.

На нищете крестьян, на их беспощадной эксплуатации зиждется праздное, паразитическое существование помещиков. Описывая, как крестьяне «возвращалися с поля в пыли, в поте, измучены, и радовалися, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали», он тут же рисовал картину дворянско-чиновничьей жизни. Игра в карты, волокитство, обман, узаконенный грабеж чиновниками народа. И все эти празднолюбцы живут за счет крестьянского труда, крестьянского пота и слез.

Радищев всех помещиков считает «худыми». Правда, на первый взгляд этому как будто противоречит концовка «Отрывка»: «На другой день, поговоря с хозяином, я отправился в путь свой, горя нетерпеливостию увидеть жителей **Благополучные деревни:** хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных».

Может показаться, что Радищев допускал возможность существования «добрых» помещиков. Однако анализ текста убеждает, что это не так. Мы не можем точно сказать, что собирался писать Радищев о хозяине «Благополучной деревни». Но бросаются в глаза два обстоятельства.

Перед изображением «Разоренной» деревни говорится: «Начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их», то есть употребляется **множественное число**, а описывает-

---

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1941, под редакцией Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого, стр. 347.

ся только одна — «Разоренная» деревня. Затем автор собирается изображать «Благополучную». Если принять это за чистую монету, то как же быть с обещанием описать **ряд** нищих деревень? Невольно напрашивается предположение, что Радищев собирался показать «Благополучную» деревню отнюдь не в розовом свете. Вполне возможно, что именно на ее примере он собирался разбить легенду о «добрых» барах.

Далее. Продолжение «Отрывка» не появилось в «Живописце». Почему? Ответить на этот вопрос пока невозможно. Но можно определенно сказать одно. Если бы Радищев собирался писать о действительно «Благополучной» деревне, то Новиков не преминул бы опубликовать это место. «Отрывок» вызвал возмущение дворян и описание «Благополучной» деревни было бы как нельзя более кстати для «успокоения» помещиков[1].

Отметим, что после публикации первой части «Отрывка» (в 5 листе «Живописца» за 1772 год) Новиков был вынужден **оправдывать** его, доказывать, что он не направлен против дворянства в целом. В 13 листе «Живописца» за 1772 год, в статье Новикова «Английская прогулка» говорилось: «...я совсем не понимаю, почему некоторые думают, что будто сей листок («Отрывок») огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и, следовательно, описан дворянин, властью свою и преимущество дворянское во зло употребляющий». «Благополучное» продолжение «Отрывка» подкрепило бы это толкование. Но после 14 листа «Отрывок» больше не печатался. Вероятно, даже и в нем было «неблагополучно».

Итак, Радищев осуждает **всех** помещиков. Чтобы улучшить положение крестьян, нужно уничтожить крепостное право — такой вывод вытекает из всего содержания «Отрывка». Радищев осуждал всю существующую систему. Давалась резкая характеристика продажным судьям и взяточникам-подьячим, стряпчим. Отрицательно характеризовался и купец, который «веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар получил много барыша». Любопытно, что осуждался даже «врач, который благодарил бога, что в этот день много было больных».

Для Радищева все эти детали не случайность, а следствие крепостнической системы. Он выступает как антидворянский автор, как идеолог «третьего сословия» и, прежде всего, демократических его слоев. Недаром в «Отрывке» обсуждаются

---

[1] Подробнее об авторстве Радищева см. В. П. Семенников, А. Н. Радищев, П., 1923.

«богачи, любимцы **Плутовы**». Таково было первое напечатанное произведение Радищева.

Демократические взгляды А. Н. Радищева проявились и в его переводе сочинения Мабли «Размышления о греческой истории» и комментариях к нему.

Перевод этот был издан в 1773 году «Обществом, старающимся о напечатании книг», организованным Н. И. Новиковым, без имени переводчика. Но еще известный библиограф В. С. Сопиков указал, что переводчиком был А. Н. Радищев. В. П. Семенников, обнаруживший в архиве расписки Радищева в получении гонорара за перевод, подтвердил вывод В. С. Сопикова[1].

Обращение к сочинению аббата Габриэля Бонно де Мабли было не случайным. Произведения этого замечательного французского мыслителя привлекали внимание Радищева еще в лейпцигский период. Правда, он соглашался далеко не во всем с выдающимся утопическим коммунистом. Социальная программа Мабли (коммунизм как идеальный общественный строй, признание частной собственности за землю, противоречащей естественному праву) обходилась Радищевым. Зато с **политическими** взглядами французского философа и публициста, он в общем соглашался.

Мабли одним из первых выступил за уничтожение абсолютизма во Франции, доказывая, что суверенитет должен принадлежать народу. Считая лучшей формой правления республику, он не отвергал в принципе и конституционную монархию (если монарх будет лишен возможности вмешиваться в политическую жизнь страны). Мабли оправдывал революции и гражданские войны. Эти политические установки были налицо в «Размышлениях о греческой истории». В то же время в них не нашли полного выражения коммунистические идеи Мабли. Это, по-видимому, и остановило выбор Радищева именно на данной книге.

Мабли подчеркивал, что только свобода сделала греков великими: «...любовь к безподданству стала отличающим Греков качеством: даже Царское имя стало ненавистно, и удрученный город мучителем был бы всей Греции поношением. Без сей перемены, новыя Грекам качества даровавшей, вероятно, что они одно бы жребие имели с теми народами, коих мы не знаем ни истории, ни имени... Самодержавно управляемая Греция не произвела бы ни законов, ни художеств, ни добродетелей, вольностию и соревнованием в ней произращенных».

---

[1] В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, СПБ, 1816, г. IV, № 9493.

Свой взгляд на форму правления Мабли лучше всего выразил в отзыве о реформах Ликурга в Спарте: «Ликургова республика так же, как **Полибий** сказал после о Римской республике, сопрягая все выгоды, коих Монархия, Аристократия и Димократия заключают в себе токмо слабейшую часть, если они не соединяются в едином правлении, не имела ни единаго им естественнаго порока. Самодержавство, коим народ пользовался, побуждало его без напряжения ко всему тому, что в народноуправляемом государстве любовь вольности и отечества могут произвести великаго и великодушнаго. Но в следствие учрежденнаго между различными властьми равновесия, димократическая правления часть всегда бывала бессильна и утесненна судейскою властию, сколь скоро она свою власть во зло употребить хотела. И для того не видно было в Лакедемоне ни своенравия, ни вспыльчивости, ни ложного страха, ни насилия, безславящих большую часть Греческих республик... Цари ни какия не имели власти, когда не были Сената устами; они придавали однако же войскам скорое и поспешное действие, оживляющее воинское производство и успехи, и почти у вольных народов неизвестное»[1].

Этот тезис не вызвал возражений со стороны Радищева. Сам он свой взгляд на форму правления и на право подданных на восстание лучше всего выразил (в данном переводе) в применении к следующему месту из «Размышлений» Мабли: **«Филипповы** предшественники не царствовали над своими подданными со властию слепою и неограниченною, человечество в **Персии** унижающею; а как Монархии не прешли еще в самодержавство, отъемлющее у души все ея пружины, то гражданин соблюдал чувствование добродетели и мужества, а государь созидал, если хотел, народ совсем новый». В примечании, поясняя слово «самодержавие», Радищев писал: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другаго права наказывать преступников опричь права собственные сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоду. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природны власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом **безмолвный** договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея **обязанности.** Неправосудие государя дает народу, его судии, тоже и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. **Государь есть первый гражданин народного общества».**

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 236.

В переводе этого места из сочинения Мабли и в примечании Радищева отчетливо проявилось его отрицательное отношение к неограниченной монархии. Он использовал при этом учение Руссо, частично Монтескье. Г. А. Гуковский совершенно справедливо отмечал, что «примечание» Радищева является конспектом «Общественного договора» Руссо, причем Радищев уловил действительно основные узловые положения Руссо»[1].

Неограниченная монархия — это «самодержавство», деспотизм. В характеристике его Радищев восходит к Монтескье. Выступая против деспотии, «самодержавства» (в том числе русского), Радищев не отрицает, однако, монархии вообще. Если государь ограничен законом, если он «первый гражданин народного общества», то такую форму правления Радищев готов признать. Итак, в начале 70-х годов Радищев пропагандировал антикрепостнические идеи, выступая против самодержавия и оправдывал право подданных на восстание против монарха.

Выступая против самодержавия, Радищев, используя теорию общественного договора, обосновывает право подданных на суд над монархом: «Если он (общественный договор) нарушен, то и мы освобождаемся от нашея **обязанности.** Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступником», — пишет Радищев.

Так обосновывает Радищев право народа на революцию. Все это относится к первым годам возвращения Радищева в Россию.

Вскоре в личной жизни Радищева произошли большие перемены. 10 мая 1773 года он перешел на военную службу — в штаб генерал-аншефа Брюса, командира финляндской дивизии. Радищев был назначен обер-аудитором, прокурором дивизии[2].

В 1775 году А. Н. Радищев женился на сестре своего лейпцигского друга, Анне Васильевне Рубановской. В эти годы общественно-политические взгляды Радищева все более демократизировались, революционизировались. Этому способствовало, прежде всего, восстание крестьян, под руководством Е. И. Пугачева в 1773—1775 годах.

Радищев был хорошо осведомлен о пугачевском восстании. На его родине, в Саратовской губернии, бушевало пламя крестьянской войны. Жертвой ее едва не стали отец и младшие братья и сестры Радищева — их спасли «собственные» кре-

---

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 412 (комментарий Г. А. Гуковского).

[2] Г. П. Макогоненко, указ. соч., стр. 180—181.

стьяне, помнившие хорошее обращение с ними Н. А. Радищева. В роду Радищевых сохранилось об этом предание, рассказанное сыном Радищева, Павлом Александровичем. «Во время пугачевского бунта, — рассказывает П. А. Радищев про своего деда, — он укрывался в лесу в 5 верстах от своего села Преображенского, в 12 верстах от города Кузнецка (Саратовской губернии), с семейством своим и зятем Облязовым. Взяв с собою дворовых людей, хорошо вооруженных, они намерены были в случае нападения защищаться до крайности. Самых малых детей, двух сыновей и двух дочерей, Николай Афанасьевич роздал по мужикам. Мужики так его любили, что не выдали, а жены их марали маленьким господам лица сажею, боясь, чтобы бунтовщики не догадались по белизне и нежности их лиц, что это не крестьянские дети, обыкновенно замаранные и неопрятные. Ни один из тысячи душ не подумал донести на него, между тем как ближнего соседа и родственника его Дубенского собственные мужики привели к начальнику бунтовщиков. В господском доме неприятели, не нашед помещика, прострелили его портрет».

О пугачевском восстании Радищев знал и из официальных документов, рассказов офицеров и генералов, подавлявших «пугачевщину», из манифестов Пугачева и т. д. Радищев находился в Москве во время казни там Е. И. Пугачева. Он был свидетелем жестоких расправ с повстанцами. Видимо, не желая принимать в них хотя бы косвенное участие, Радищев 20 марта 1775 года вышел в отставку.

Изучение уроков пугачевского восстания еще более радикализировало, революционизировало взгляды Радищева. Огромное воздействие на развитие революционных взглядов Радищева оказала американская война за независимость — одна из первых буржуазных революций. Как указывал К. Маркс, она прозвучала «набатным колоколом для европейской буржуазии»[1].

Радищев внимательно следил за ходом борьбы заокеанских повстанцев. В конце 70-х годов он вернулся на службу, но не военную, а штатскую. 22 декабря 1777 г. его назначили в коммерц-коллегию, где он выполнял обязанности нынешнего юрисконсульта.

В 1780 г. Радищев был назначен помощником управляющего столичной таможни, а с 5 апреля 1790 г. стал ее управляющим. «Карьера» его совершалась блестяще. Но она не интересовала Радищева. Он стремился к освобождению народа, и в обстановке ожесточенной классовой борьбы в России,

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 7.

американской войны за независимость, предреволюционной обстановки во Франции взгляды Радищева еще более демократизировались.

В начале 80-х годов он пытался активно их пропагандировать. Это был период наивысшей революционности, наивысшего радикализма Радищева. Его политическая платформа проявилась в двух важнейших произведениях — в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего» и в оде «Вольность».

Радищев отрицает теперь всякую монархию, выступает поборником конфедеративной республики, предсказывает неизбежность революции в России—хотя отнюдь не в ближайшее время.

«Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» было напечатано в 1790 году, но написано в 1782 году в связи с открытием 7 августа 1782 года памятника Петру I в Петербурге. Образ Петра I был использован Радищевым для развенчания взгляда, будто «просвещенный монарх» может дать политическую свободу нации.

Петра I Радищев признает действительно великим историческим деятелем, произведшим в России ряд важнейших реформ. Он дал «первый стремление столь обширной громаде, которая, яко первенственна вещество, была без действия».

Радищев не соглашается с отрицательной оценкой Петра I «женевским гражданином» Руссо[1].

Петр I имеет полное право на титул Великого. Но даже великий «просвещенный» монарх не может дать свободы народу. И Петр I не был исключением. «И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную»,—говорится в «Письме». Под «вольностью частной» подразумевается политическая свобода. Вслед за этим Радищев доказывает, что цари не ограничивают добровольно своей власти.

Петр I — «властный самодержец», он не только не дал свободы нации, но даже «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества».

Радищев смело осуждает и самодержавие Екатерины II, которая «смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке

---

[1] Руссо писал в VIII главе «Общественного договора»: «Петр обладал подражательным гением; он не обладал настоящим гением, таким, который творит и создает все из ничего. Некоторые из сделанных им нововведений хороши, большинство было неуместно. Он сознавал, что его народ—варварский народ, но он не сознавал, что он не созрел для гражданского порядка. Он хотел его цивилизовать, когда его надо было только приучить. Он желал сначала создать немцев и англичан, когда прежде всего, необходимо было создать русских» (Ж. Ж. Руссо. Общественный договор или принципы государственного права, СПБ, 1905, стр. 42).

своей имеет»[1]. Как самодержавец, Екатерина II—преемник Петра. По мнению Радищева, нельзя упрекать лично Петра I за то, что он не дал свободы. Дело не в его характере, а в природе монархии вообще. Государи не склонны умалять свою власть: «(...) если <мы> имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое; что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана, то нет и до скончания мира примера может быть не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле».

Развенчивая идею «просвещенной монархии», Радищев явно полемизировал не только с реакционными идеологами, защитниками русского самодержавия, но и с Вольтером — передовым французским философом, с его девизом «союза королей и философов».

Вольтеру казалось, что философы могут убедить монархов изменить их политику. В своих исторических работах он пытался доказать «коронованным особам» необходимость заботиться о благе подданых. Именно с этих позиций написана его «История Российской империи при Петре Великом». Радищев полемизировал с ней, прежде всего, с ее концовкой: «Владыки государств, давно достигших просвещения, скажут себе: «Если в морозной мгле древней Скифии человек, движимый одной лишь силой своего гения, совершил столь великие деяния, то что же должны совершать мы в государствах, где соединенными усилиями многих столетий облегчено нам все?»[2]. Радищев в это не верил. В противовес Вольтеру, прославлявшему «короля-сынца» в «Веке Людовика XIV», Радищев называет этого монарха «тщеславным и кичливым». Независимо от своих личных качеств все монархи — зло. Надеяться, что они добровольно дадут свободу народу — бессмысленно. Такова главная мысль «Письма».

Еще резче антимонархические взгляды Радищева выражены в оде «Вольность», где предсказывается неизбежность революции в России — правда, в отдаленном будущем. В ней используется учение Руссо и, прежде всего, его книга «Общественный договор». Опираясь на нее, Радищев доказывает, что вольность — прирожденное право человека, обосновывает право подданных на восстание против монарха, предсказывает революцию в России.

Поводом к написанию «Вольности» послужила американская война за независимость. В. П. Семенников доказал, что ода «Вольность» была написана Радищевым около 1781—1783

---

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 148.
[2] Ф. Вольтер, Избранные произведения, М., 1947, стр. 578.

годов[1]. В ней говорится о **ведущей** или только что окончившейся в то время войне американских колоний за независимость. Так как американская революция происходила в 1776—1783 году, то «Вольность» могла быть написана именно в эти годы — на это обратил внимание В. П. Семенников. Эту датировку можно еще более сузить. «Вольность» создана явно **после** «Письма к другу, жительствующему в Тобольске». «Вольность» была написана сразу же после окончания американской войны за независимость, в честь победы повстанцев. Поэтому можно уточнить вывод Семенникова — «Вольность» написана Радищевым в 1783 году.

Прославляя победу американского народа, Радищев высказывался за конфедеративную республику, за свободный труд (т. е. за уничтожение крепостного права), за отмену сословных привилегий.

Вслед за Руссо Радищев выдвигает теорию «прирожденных прав» и «естественной свободы» человека. Человек рождается свободным: «Я в свет изшел, и ты со мною». Поясняя в «Путешествии» эти слова из «Вольности», Радищев писал: «И человек во всем от рождения свободен». И мысли, и слова перекликаются с началом первой главы «Общественного Договора»: «Человек рожден свободным, а он всюду в оковах».

В «естественном состоянии» человек, по Радищеву, сам себе господин: «Закон мой — воля есть моя». И здесь перекличка с «Общественным договором», в котором говорилось про человека в «естественном состоянии»: «Он делается своим собственным господином, так как он один является судьей в выборе средств для самосохранения».

Сходство идей «Вольности» с «Общественным договором» налицо в последующих строфах радищевской оды.

По Руссо, общество образуется в результате договора, суть которого определяется так: «Каждый из нас отдает свою личность в общее владение и всю свою силу подчиняет верховному распоряжению общей воли; и в общем организме мы получаем каждого члена как нераздельную часть целого; это ассоциация, «которая всеми общими силами охраняет и защищает личность и имущество каждого своего члена и в которой каждый, соединяясь со всеми, повинуется все-таки только себе самому...».

В «Вольности» эта мысль выражена в близких выражениях:

Свою творю, творя всех волю,
Родился в обществе закон.

---

[1] В. П. Семенников, «Радищев. Очерки и исследования», М.—П., 1923, стр. 1—24; см. комментарий Г. А. Гуковского в I томе «Полного собрания сочинений» Радищева, стр. 499.

Общественный договор заключен в интересах народа. И если правительство, монарх, не соблюдают интересы народа, то тем самым общественный договор нарушен, и народ не обязан больше соблюдать его, не обязан повиноваться власти, может свергнуть ее. Руссо, в отличие от Гуго Гроция, Спинозы, Гоббса, Локка доказывал, что «по общественному договору» народ не отказался от суверенитета ни полностью, ни частично.

Как и Руссо, Радищев исходит из принципа неограниченного суверенитета народа. Автор «Вольности» вслед за «Общественным договором» ставит верховную власть (т. е. народ) выше законов. Ей нет предела:

«Для пользы всех мне можно все», — говорит народ в оде (строфа 18). «Господь» — не король, а народ (строфа 19).

И здесь явная перекличка с «Общественным договором», утверждавшим, что «верховная власть» (т. е. народ) «неограниченна» и «не может преступить» лишь «границ общих соглашений», т. е. сам общественный договор. «Противоречит природе политического организма наложение верховною властью на себя закона, которого она не может нарушить», — писал Руссо.

Правительство, по Руссо, лишь выполняет поручение народа, является «только исполнителем» (независимо от формы правления). Того же мнения придерживался и Радищев. Им, в духе Руссо, выдвигается обоснование власти как поручения народа: «Преступник власти, мною данной...» (стр. 15).

И если монарх не выполняет поручения народа, не служит ему, если он нарушает общественный договор, то народ имеет право свергнуть его.

Через «Общественный договор» красной нитью проходит эта мысль. «Всякая власть от Бога. Я это признаю, но от него также всякая болезнь. Значит ли это, что запрещено приглашать врача?» — пишет Руссо. «Поскольку народ, — говорит он, — принужден повиноваться и повинуется, он поступает хорошо; но как только он может сбросить иго и сбрасывает его, он поступает еще лучше, так как при возвращении народом себе свободы посредством того же права, которое отняло ее у него, или он вправе ее взять обратно, или не вправе был отнять ее у него».

Принцип суверенитета народа, развивавшийся Руссо, делал неизбежным вывод о праве подданных на восстание, на революцию.

Так же рассуждает и Радищев в «Вольности». На стр. 14 читаем про казнь Карла I, про английскую революцию:

Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы

На плаху возвело царя.

Итак, революция, по Радищеву, — это восстановление свободы народа, а свобода — прирожденное право человека.

Английская революция показала пример,
Как могут мстить себе народы (стр. 23).

Революция может не считаться с позитивными законами. Восставший народ создает новые законы, соответствующие «природе человека».

«Законом строит твердь природы» (стр. 25).

При этом Радищев идею революции высказывает еще отчетливее, еще резче, чем Руссо. Он безоговорочно одобряет английскую и американскую революции, воспринимая их, как народные революции, как восстания «третьего сословия».

«Ликуешь ты! а мы здесь страждем!» (стр .46) — восклицал Радищев, обращаясь к Америке. Но он был уверен, что революция произойдет и в России, предсказывал ее. Радищев понимал, что будущие поколения отметят, что он «вольность первый прорицал» (стр. 47).

Радищев писал:

Вокруг престола все надменна
Стоят коленопреклоненно,
Но мститель, трепещи, грядет,
Он молвит, вольность прорекая,
И ее молва от край до края
Глася свободу, протечет (стр. 13).

В «Путешествии» Радищев пояснил эти строки: «Трепещи, се мститель грядет, прорицая вольность».

Как представлял себе Радищев эту революцию? Каковы ее движущие силы?

Прежде всего, приходится отметить, что Радищев ставил и решал этот вопрос до известной степени абстрактно. Он не уточняет, какие классы восстанут, какой социальный слой будет руководителем. Вопрос ставился так: подданные, т. е. народ, восстанут против царя. Произойдет революция наподобие английской и американской. Разницы социальной структуры России, с одной стороны, и Англии и Америки, с другой, он не учитывал. Отождествление характера будущей русской революции с английской и американской простиралось до того, что в строфах 14—15 он явно говорил одновременно о **прошлой** английской революции и о **будущей** русской. Эти строфы свидетельствуют, что Радищев ратовал за народную революцию.

Возникнет рать повсюду бранна
Надежда всех вооружит...

Имелись в виду **все** подданные, т. е. весь **народ** (стр. 14). И далее:

Ликуйте, склепанны **народы** (подчеркнуто мною—В. П.).

В последующих строфах речь идет о монархе и народе. **Народ** совершает революцию. Но Радищев не отождествляет народ только с крестьянством. Народ для Радищева более широкое понятие, чем крестьянство. Это все «третье сословие», как на Западе. Правда, некоторые авторы полагают, что Радищев говорил в «Вольности» о крестьянской революции. Г. П. Макогоненко даже пытается соотнести название оды «Вольность» с пугачевскими манифестами, в которых употребляется этот термин. Макогоненко ссылается на то, что Радищев по-другому понимал слово «Вольность», нежели Петр III и Екатерина II[1]. Это, конечно, верно. Но ведь и Руссо, и Мильтон, и американская «Декларация Независимости» понимали термин «Вольность» по-другому, чем русские самодержцы. Связывать радищевскую «Вольность» с пугачевским восстанием невозможно. Ведь она написана через 7—8 лет после его окончания. Слишком запоздалый отклик. Да и в тексте оды пугачевцы не упоминаются ни разу.

Будущая народная революция в России — это жестокая гражданская война. Радищев подчеркивал, что дело не обойдется без серьезного кровопролития, разрушений:

Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной...

Так характеризует он грядущую революцию (стр. 51). К этому выводу он пришел, изучая опыт английской и американской революции.

Описывая события английской революции, Радищев одобряет казнь Карла I. Это «пример великий», поданный Кромвелем. Обращаясь к нему, Радищев восклицал:

Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил (стр. 23).

Радищев явно заранее оправдывал и казнь русского монарха.

Будущая русская революция неизбежно потому, что рано или поздно народ перестанет мириться с угнетением. Поясняя в «Путешествии» 53 строфу «Вольности», Радищев писал: «Но человечество возревет в оковах, и направляемое надеждою свободы и неистребимым правом природы, двинется... И власть приведена будет в трепет».

Народ вернет утраченную свободу, являющуюся его прирожденным правом:

---

[1] Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, М., 1957, стр. 365—370.

Мне слышится уж глас природы.

Революция утвердит счастье российского народа, Россия станет конфедеративной республикой. Комментируя в «Путешествии» 49 строфу «Вольности», автор ее писал, что Россия «разделится на части и тем скорее, чем будет пространнее».

Из недр развалины огромной...

Возникнут малые светила (стр. 51), — предсказывал Радищев, т. е. возникнут отдельные государства. Они и объединятся в конфедеративную республику.

Монархию Радищев решительно отвергает, в том числе и конституционную. Здесь он радикальнее самого Руссо. «Общественный договор» допускал в известных случаях и монархию. «Правда, она «пригодна лишь для богатых народов». И по существу, та монархия, о которой говорил Руссо, не могла существовать в жизни — предполагалось, что суверенитет в ней принадлежит народу. Но **теоретически** возможность монархического правления допускалась. Радищев решительно не согласен с этим. Монарх всегда и везде зло — без всяких исключений (см. стр. 10—13, 19, 20—22). «Царство свободы» — республика. Счастье народа, «царство свободы» Радищев характеризовал как «сохранность, спокойствие, благоденствие, величие».

Описанию «царства свободы» посвящены 29—37 строфы «Вольности». В них Радищев показывает преимущества свободного труда перед принудительным (стр. 31). «Дух свободы... к величию... всех зовет».

Свобода «Живит, родит и созидает» (стр. 29), рождает героизм (стр. 30, 34), уничтожает сословные привилегии, «различности надменность сняв» (стр. 36), обеспечивает выдвижение лишь по личным способностям—«Едина личная отменность. Венец возможет восхитить» (стр. 36).

После революции Россия станет конфедеративной республикой; в ней будут уничтожены принудительный (т. е. крепостной) труд, сословные привилегии, восстановлен «естественный устав», т. е. естественный закон (стр. 36). Правда, революция произойдет не скоро:

Но не приспе еще година,
Не совершилися судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды! — говорится в строфе 52.

Чтобы приблизить революцию, нужно покончить с религиозным суеверием, разоблачить реакционную сущность церкви. Она идеологически защищает монархию:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;

Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится,
На пользу общую — рекут (стр. 10).

Антицерковная направленность — одна из характерных черт «Вольности». Это существенно отличает ее от произведений американских буржуазных идеологов XVIII века. Даже самые радикальные, самые демократичные из них обращались к религии. Так, Томас Пэн в своем знаменитом памфлете «Здравый смысл» обращался к библии, чтобы доказать незаконность власти.

Вольность, свободу Радищев понимает так же, как и Руссо. Речь идет о «гражданской свободе», которая, по мнению Руссо, «ограничивается общей волей».

Радищев доказывал историческую неизбежность, закономерность утверждения свободы, победы революции. Причин ее несколько:

во-первых, угнетение ведет к революции;

во-вторых, Радищев усматривает в этом и более общую закономерность.

Он разделяет «циклическую теорию» Вико и Фергюссона, «теорию исторического круговорота». В развитии мира есть определенные закономерности — человеческая история представляет собой ряд циклов. Поясняя в «Путешествии» 42—44 строфы «Вольности», Радищев писал: «Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности — рабство. На что сему удивиться, и человек родится на то, чтобы умереть». В «Вольности» говорилось:

Сей был и есть закон природы
Неизменимый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы
Отравы полны свои стрелы
В себя не ведая, вонзит,
Едину власть, вселясь, раздавит,
Обидой право обновит...
О вольность, вольность, дя скончаешь
Со вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится;
И власти под ярмом падет.
Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему во след стремленью
Некосненно стремглав бежим.

Огонь в связи со влагой спорит
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать,
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать (стр. 42—44)[1].

Опасаясь, вероятно, возможности уничтожения завоеванной свободы в Америке, а предложение Вашингтону монархической власти делало такие предложения отнюдь не беспочвенными[2], Радищев восклицал:

О, вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дел благой природы! (стр. 45).

Приведенное обращение свидетельствует о том, что Радищев, принимая, в общем, идеи Вико, Фергюссона и, отчасти, Монтескье об историческом круговороте, о циклическом развитии, пытался, однако, преодолеть эту концепцию; допускал, что человечество может вмешаться в исторический круговорот и не допустить, или, по крайней мере, задержать превращение вольности в деспотизм.

Такова политическая программа и историко-философская концепция знаменитой радищевской оды «Вольность». Они во многом определили характер общественно-политической программы «Путешествия из Петербурга в Москву». В оде «Вольность» революционность и радикализм Радищева достигли наивысшего подъема.

Радищев выступил в этом стихотворении как один из самых радикальных мыслителей мира.

Приближалась французская революция. Радищев был одним из первых, кто уловил симптомы ее приближения. И это определило его идейную позицию в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII века.

[1] См. Семенников, стр. 20—22.
[2] См. D. Freeman. George Waschington, том 4, New-York, 1957.

III

«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

После «Письма к другу, жительствующему в Тобольске» и «Вольности» новые произведения Радищева появились лишь через несколько лет. В 1789 году вышли из печати «Житие Ф. В. Ушакова» и «Беседа о том, что есть сын Отечества»; в 1790 году «Путешествие из Петербурга в Москву».

Длительное «молчание» Радищева по-разному объяснялось в науке. Н. П. Павлов-Сильванский связывал его с временным упадком «идеалистических стремлений» (непримиримости с существующим злом) у Радищева. С такой версией никак нельзя согласиться. В эти годы Радищев продолжал работать над «Путешествием».

Прав был Г. В. Плеханов, писавший: «Молчание русского писателя, да еще, как в данном случае, писателя XVIII века,— очень часто причиняется вовсе не упадком «идеалистических» его стремлений. Очень часто его объяснение нужно искать в «независящих обстоятельствах». Если удручающее влияние этих обстоятельств могло вогнать Новикова в мистицизм, то они же могли привести Радищева к тому убеждению, что безнадежны были бы всякие попытки печатных выступлений против некрасивой действительности. Такого убеждения вполне достаточно, чтобы умолкнуть, если не на всегда, то на известное время. Вероятнее всего, что именно таким убеждением и объясняется временное молчание Радищева»[1].

И Плеханов совершенно правильно объясняет активизацию Радищева в конце 80-х годов: «Но живой о живом и думает. Радищев, всегда внимательно следивший за передовыми течениями западноевропейской литературы, не мог не ощутить, так или иначе, приближения революционной бури во Франции. И вполне естественно, что, ощутив ее приближение, он почувствовал усиленную жажду литературной деятельности. Вот почему он опять взялся за перо, давно уже лежавшее без употребления»[2]. К этому нужно прибавить усиление

---

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. XXII, стр. 350.

[2] Там же.

оппозиционных настроений, оживление общественного движения в России в 1787—1789 годах.

В эти годы в политических взглядах Радищева происходят некоторые изменения. У него появляются —хотя и небольшие —монархические иллюзии. В «Путешествии из Петербурга в Москву», в «Проекте в будущем» Радищев допускает возможность отмены крепостного права «сверху». Г. В. Плеханов объяснял это влиянием событий начала французской революции: «Вообразив, будто Людовик XVI искренне расположен был удовлетворить политические требования французского народа, Радищев стал доверчивее, нежели прежде, относиться к доброй воле власть имущих»[1]. Гипотеза Плеханова представляется плодотворной, но не точной. П. Е. Щеголев доказал, что та часть текста «Путешествия», в которую был включен «Проект в будущем», написана до французской революции. Следовательно, пример Людовика XVI тут не при чем. И все же мысль Плеханова в общем, правильна. На Радищева повлияла передовая предреволюционная французская политическая мысль.

Видный историк французской буржуазной революции конца XVIII века А. Олар доказывал, что накануне революции 1789 года во Франции не существовало «республиканской партии». Он несколько преувеличивает, но, в общем, близок к истине. В наказах 1789 года не было требований республики. «Даже в Париже, — констатирует Олар, — где чернь слыла за самую дерзкую, ни буржуазия, ни ремесленники, ни злосчастнейшие из поденщиков — никто не издавал того крика: «Республика!», который кардинал Рец слышал в 1649 году, в тот момент, когда она была учреждена в Англии»[2].

Публицисты кануна французской революции не выдвигали требования республики. Аббат Рейналь и в «Философской истории обеих Индий» (1770 г.) и в «Революции в Америке» (1781 г.) не ратовал за республику. Во втором сочинении он даже высказывался весьма пессимистично о перспективах развития заокеанской республики.

Кондорсэ, будущий теоретик республики (в 1791 году), до революции не считал нужным ликвидацию монархии. В 1788 году он даже не соглашался с жалобами на королевский деспотизм, а в создании усовершенствованных провинциальных штатов видел возрождение Франции.

Мирабо, которым Радищев особенно восхищался, был сторонником конституционной монархии, Сиейс—тоже. Черутти пропагандировал «либеральную монархию». Будущий член

---

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. XXII, стр. 349.

[2] А. Олар. Политическая история французской революции, М., 1938, стр. 30—34.

конвента, будущий республиканец Керсен, в 1778 году в памфлете «Здравый смысл» заявлял: «Может ли при хорошем правительстве существовать король? Да; но если бы люди были более добродетельны, они не нуждались бы в нем». Отсюда до республиканизма весьма далеко.

Даже Робеспьер, Сен-Жюст, Вернью, Дантон, Бриссо, Колло д'Эрбуа в 1789 году были монархистами. Камил Демулен в 1793 году писал: «Двенадцатого июля 1789 года нас было, быть может, всего десять республиканцев в Париже». Лафайет в 1789 году взял на себя защиту монархии.

Эти своеобразные монархические иллюзии распространялись во Франции, в основном, именно в 80-е годы, особенно в конце их, накануне революции. Попытка Олара доказать, будто и раньше во Франции не было республиканцев, будто даже Руссо не ставил вопроса о республике во Франции, явно неудачна.

Принцип неограниченного суверенитета народа, выдвинутый Руссо, логически вел к требованию республики. Правда, форме правления (монархической, аристократической или демократической) Руссо не придавал решающего значения. Главным для него был вопрос о том, кому принадлежит суверенитет — монарху или нации. При наличии суверенитета в руках нации он был готов признать и монархию. Но рассуждал он чисто теоретически, абстрактно. Конкретно о Франции он не говорил. Практически же из учения Руссо вытекало требование республики. И недаром в основу американской «Декларации независимости» — чисто республиканской — были положены теоретические принципы, выдвинутые в «Общественном договоре» Руссо. Это отчасти объясняет успех американской «Декларации» во Франции.

Американская война за независимость, отношение к ней во Франции показали популярность среди передовых французов идеи республики.

О симпатиях к республике свидетельствует успех во Франции знаменитого памфлета Томаса Пэна «Здравый смысл» (1776). В нем американский публицист, используя и теорию «естественного права», и библию, смело нападал на монархию: «Как невозможно оправдать на основании естественного права, базисом которому служит равенство, возвышение одного человека над всеми другими, так же невозможно защищать это возвышение, основываясь на святом писании. Ибо воля всемогущего, возвещенная через пророка Самуила и Гедеона, прямо направлена против правительства королей». Автор призывал восстать против «тиранов».

Иллюминатское крыло французского масонства мечтало

о всемирной республике[1]. Так обстояло дело в 70-е годы, в начале 80-х годов XVIII века.

Положение меняется в конце 80-х годов.

В конце 80-х годов многие бывшие республиканцы стали высказываться за монархию во Франции. К числу их относится, например, Лафайет. В период американской войны за независимость, едва приехав в Новый Свет, он писал одному из приятелей во Францию: «Я всегда думал, что король был по меньшей мере бесполезным существом; отсюда он представляет еще гораздо более печальную фигуру». Вернувшись в 1783 году на Родину, Лафайет в своем парижском доме повесил на стене американскую «Декларацию прав», оставив возле нее пустое место — для французской декларации прав. В его письмах и разговорах постоянно встречалось выражение: «Мы, республиканцы». А в 1789 году он отстаивал конституционную монархию[2].

Целый ряд причин обусловил распространение монархических иллюзий во Франции накануне революции.

Во-первых, французские республиканцы более раннего времени подходили к вопросу чисто теоретически. Когда же перед ними стал **практически** вопрос о наилучшей форме правления во **Франции**, они предпочли конституционную монархию.

Во-вторых, Олар справедливо, на наш взгляд, отмечает: «Королевская власть была или казалась тогда одновременно связью, скреплявшею возникавшее французское единство, и историческим орудием всякой реформы, потому что король казался противником феодализма и местных тираний... Кто мог бы думать о республике в тот момент, когда король путем созыва генеральных штатов, казалось, брал на себя инициативу в осуществлении желанной революции?»[3].

И недаром Мунье 9 июля 1789 года говорил в Учредительном собрании от имени конституционного комитета: «Во Франции никогда не переставали прибегать к власти государя в борьбе с несправедливостью, и даже во времена грубейшего невежества во всех частях империи угнетенная слабость всегда обращала взоры к трону, как к покровителю, обязанному защищать ее».

В третьих, ряд мероприятий королевской власти в 1787—1789 годах усиливали эти иллюзии. Особенно большое впечатление произвело создание провинциальных собраний, королевский эдикт 1787 года, обещавший в будущем их улучшение

---

[1] См. Луи Блан. История французской революции, т. II, СПб, 1907, стр. 67—75.

[2] А. Олар, ук. соч., стр. 35.

[3] Там же, стр. 16.

и возбудивший надежды на создание Национального Собрания. Передовые французские публицисты рассматривали все это как начало мирной революции.

Неудивительно, что монархические иллюзии получили во Франции в 1787—1789 годах широкое распространение.

Радищев, хорошо знавший французскую публицистику, не мог не учитывать этого. И у него появляются надежды на возможность «освобождения сверху»—но в гораздо **меньшей степени, чем у французских публицистов.**

При этом следует сделать существенную оговорку. «Монархизм», распространившийся среди передовых французов, был весьма своеобразным. По существу, это **скрытый республиканизм.** Все эти «монархисты» исходили из положения Руссо о суверенитете нации, народа. Король представлялся лишь исполнителем воли нации, суверенитет принадлежал не ему. Строго говоря, на него смотрели просто как на единоличного главу государства, как на своеобразного президента. Королевскую власть были готовы сохранить лишь при условии, что она будет выполнять волю нации, проводить реформы.

Теоретически такой «монархизм» был подготовкой к ликвидации всяких монархических иллюзий, к переходу на республиканские позиции. Рано или поздно французская буржуазия должна была убедиться, что монарх не может служить интересам нации и тогда ее идеологам ничего не оставалось, как стать республиканцами. Это и произошло в ходе французской революции. То же самое «случилось» и в России и с Радищевым, и с декабристами.

Теоретические предпосылки этого «скрытого республиканизма» облегчались тогдашней классификацией форм правления, государственно-правовыми теориями Монтескье, Руссо, Мабли. Накануне французской буржуазной революции не было четкого разграничения форм правления на два основные—республику и монархию. Тогдашняя классификация была сложнее и восходила к Аристотелю. Аристотель различал правильные и извращенные формы правлений. Правильные формы правления те, которые ставят целью государства общее благо подданных. Извращенные же формы правления те, в которых целью является лишь выгода правителей. Аристотель называл три правильных формы правления—**монархия, аристократия и полития или республика,**— и три извращенных—**тирания, олигархия** (власть богатых) и демократия (власть бедных, преследующих только свои выгоды).

В XVIII веке господствующим делением форм правления была классификация Монтескье. Он различал республику, монархию («правильные» формы) и деспотию («извращенную»). Республика подразделялась на демократию и аристократию.

С точки зрения Монтескье, разница между монархией и республикой меньшая, чем между «правильной» и извращенными формами[1].

Ж. Ж. Руссо различал демократию, аристократию и монархию, оговариваясь при этом, что «все эти формы или, по крайней мере, две первых, более или менее гибки и обладают довольно большой растяжимостью».

Кроме того, тогдашние политические мыслители придавали вопросу о форме правления второстепенное значение. Главным для них был другой вопрос — кому принадлежит суверенитет, реальная власть: монарху или нации. В какую же форму организована эта власть, представлялось им не так важным. По Руссо, главное — суверенитет народа, форма же правления — второстепенное дело. По его мнению, трудно решить, какая из них лучше всего. «Во все времена много спорили о наилучшей форме правления, не принимая во внимание того, что каждая из них является лучшей в одних и худшей в других». Республику он понимал весьма своеобразно. Он считал ею «всякое государство, управляемое законами, какая бы форма администрации там не существовала». Поясняя это место в примечании, Руссо писал: «Я не подразумеваю под этим словом только демократию или аристократию, но вообще всякое правительство, руководимое волей, которая есть закон. Чтобы быть законным, правительство не должно смешиваться с верховным властелином, но необходимо, чтобы оно было его исполнителем. Даже монархия в таком случае является республикой»[2].

Морелли в «Кодексе природы» также придавал решающее значение суверенитету народа. «Высшие должностные лица, сановники республики, монархи — что вы такое с точки зрения естественного права по отношению к народам? Простые исполнители, уполномоченные заботиться об их счастьи». К форме же власти Морелли относился безразлично — он допускал и монархию, и аристократию, и демократию[3]. Монтескье отвергал лишь деспотию. Все «правильные» формы правления казались ему, в общем, приемлемыми.

Мабли требовал суверенитета народа. Но он допускал при этом и сохранение монархии — при условии, что король выполняет волю народа. Мабли пытался доказать, что в прошлом во Франции были законодательные собрания, а короли только выполняли их волю. Такая «республиканская монархия» (как называл ее Мабли), якобы, существовала при Кар-

---

[1] Ш. Монтескье, Дух законов, книга вторая, гл. I.

[2] Ж. Ж. Руссо, Общественный договор, СПБ, 1905, стр. 61.

[3] Морелли, Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.—Л., 1947, стр. 139.

ле Великом. И Мабли мечтал об ее возрождении. При этом он считал, что «короли еще суть только администраторы, а не повелители народов». Королевская власть «мешает тирании отдельного класса или партии»: Олар верно заметил, что Мабли «оставляет только призрак короля и под «королевской» этикеткой организовывает республику».

Таковы причины появления идей «скрытого республиканизма», «республиканской монархии» во Франции накануне революции. Все это повлияло и на Радищева, нашло отражение в «Проекте в будущем», в «Путешествии из Петербурга в Москву». Следует, однако, отметить, что у Радищева даже и в этот период монархические иллюзии были незначительными — меньшими, чем у французских публицистов предреволюционной поры. Об этом свидетельствует его сочинение «Житие Федора Васильевича Ушакова», вышедшее в свет в 1789 году. Как установил Г. П. Макогоненко, написано оно было в 1788 году[1]. Г. В. Плеханов совершенно справедливо заметил: «Если судить по этому сочинению, то главным его (Радищева) интересом был **интерес политический».** Действительно, описывая жизнь своего друга, с которым он вместе учился в Лейпциге, рассказывая о годах своей учебы в Германии, ставя ряд важных этических вопросов, Радищев постоянно обращается к **политическим** проблемам.

Как и раньше, Радищев решительно выступает против монархии, принципиально отвергает ее. Монарх никогда не может быть благом. Даже если он и хорош по своим личным качествам, в его государстве все равно не может быть ни справедливости, ни правосудия, ни порядка. «Положим, что государь истинное достоинство только награждает и пристрастен не бывает николи; но если бы возможно было ему хотя одному быть беспристрастному в своем государстве, все другие начальствующие в его образе таковы не будут». Вельможи делают в самодержавном государстве все, что им угодно. «Государь нередко бывает в сем случае ничто иное, как корабль, направляемый тем ветром, который других превозмогает». Правда, эти слова вложены в уста друзей Ушакова, а не принадлежат ему самому. Но Радищев явно согласен с такими рассуждениями. И недаром через несколько страниц, говоря о ненависти их «воспитателя», майора Бокума, к Ушакову за напоминание им «справедливости», Радищев замечает: «Сие в самодержавных правлениях почти повсеместно». Радищев понимает, что монарх, самодержец лишь выполняют волю «вельмож», дворянства.

По-прежнему пропагандировал Радищев и другую мысль

[1] Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 341.

— о праве подданных на сопротивление монарху, на восстание, на революцию. Как и раньше, он опирался при этом на теорию естественного права. В гражданском обществе всякому терпению приходит конец, угнетение приводит к восстанию — и Радищев оправдывает его, доказывает правомерность сопротивления, революции: «В обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения... возникает отчаяние». Радищев использует теорию общественного договора Руссо. Он сочувственно относится к изложению ее в сочинениях Ушакова.

Однако революция (в том числе в России) не тождественна для Радищева с крестьянским восстанием. Любопытно в этом отношении его мнение о Разине. Он называет его в числе тех, кто «имениты для нас». Разумеется, для конца XVIII века такое высказывание о Разине было необычным. Радищев явно порвал с традиционным представлением о нем. И все же Разин для Радищева отнюдь не идеал. Он противопоставляет его Катилине и Александру Македонскому — с худшей стороны. Революция — это восстание **всех** подданных третьего сословия вообще. Итак, в 1788 году, когда было закончено «Житие» Ушакова, взгляды Радищева в основном не изменились по сравнению с «Вольностью». Он оставался принципиальным противником монархии (хотя некоторые колебания все же появились; мимоходом, но все же давалась положительная оценка римских императоров Марка Аврелия и Тита). По-прежнему Радищев был сторонником революции, правда, представляя ее несколько абстрактно. «Житие» Ушакова было явно пропагандистским, политическим, а не только художественным произведением. Радищев обращался в нем к передовому дворянству и разночинцам.

Но главным произведением Радищева, над которым он работал около 20 лет и которое принесло ему наибольшую славу, было знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». Все попытки царского правительства уничтожить эту книгу оказались тщетными. И печатные экземпляры, и рукописи «Путешествия» читались и оказывали огромное воздействие на декабристов, Пушкина, Белинского, Герцена, Чернышевского.

Естественно, что исследователи Радищева сосредоточивали и сосредоточивают свое внимание именно на этом сочинении Радищева. О нем написано множество работ, велись и ведутся ожесточенные споры. И все же далеко не все выяснено с книгой Радищева: история ее написания, жанр, идейное содержание до сих пор по-разному трактуются учеными. Спорным остается и вопрос о том, **кому** было адресовано «Путешествие».

Излагая все эти вопросы, мы учитываем нерешенность их

в науке и поэтому вынуждены в ряде случаев ограничиться лишь предположениями, гипотезами.

Начнем с истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву». Книга Радищева была сдана в печать в январе и вышла в свет в мае 1790 года. Однако основная часть ее, как это установил П. Е. Щеголев, была написана раньше, до французской революции. Цензурное разрешение на публикацию книги было дано 22 июня 1789 года.

После цензуры Радищев включил в книгу посвящение А. М. Кутузову; рассказ присяжного о наместнике, любившем устрицы («Спасская Полесть», рассказ о встрече с семинаристом и извлечения из его тетради—«Подберезье»), беседа с Карпом Дементьевичем («Новгород»), повествование о цензуре («Торжок»), отрывок о свадьбе Дурындиных («Зайцово»), изменил конец[1].

Когда Радищев начал работать над книгой? В какие годы были написаны ее отдельные места? Когда, в частности, написан «Проект в будущем»? Без такого уточнения трудно анализировать идейное содержание книги. Мы согласны с В. П. Семенниковым, что Радищев начал работать над «Путешествием» в 1772 году. Первым этюдом его явился «Отрывок Путешествия в*** И*** Т***[2].

Вывод В. П. Семенникова подкрепляется чрезвычайно важным наблюдением академика М. П. Алексеева.

В статье Н. И. Новикова «Английская прогулка», опубликованной в 13 листе «Живописца» за 1772 год, говорилось: «Когда же все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины. Я сожалею, что Вы в заглавии своем сего сочинения не написали: **Путешествие, в английском вкусе написанное.** Может быть, это название вместо порицания, привело бы его в моду». М. П. Алексеев обратил внимание на то, что к 1772 году вышел ряд книг английских путешественников, описывающих Россию. В них уделялось большое внимание социальным отношениям в России, положению крестьян, их отношениям с помещиками, характеру русских песен — тем вопросам, которые разбираются и в «Путешествии из Петербурга в Москву». В этом свете смысл замечания Новикова совершенно очевиден. Если русские дворяне молчат о сочинениях английских авторов, то почему же их так возмущает «Отрывок»?

Вероятно, и Радищев учел характер книг английских путе-

---

[1] П. Е. Щеголев. Рукопись «Путешествия» (в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева»), СПб, 1905.

[2] В. П. Семенников. Радищев, стр. 319—364.

шественников о России и, может быть, не без их влияния избрал форму «Путешествия» и в 1772 году написал первый отрывок из него. Наблюдение М. П. Алексеева подкрепляет версию В. Н. Семенникова.

Итак, Радищев начал писать «Путешествие» в 1772 году. Наиболее интенсивно Радищев работал над ним, как это показал В. П. Семенников, во вторую половину 80-х годов, т. е. в предреволюционную пору во Франции, в период оживления оппозиционных настроений в России. Некоторые страницы книги были написаны, видимо, в самые последние годы перед французской революцией. «Слово о Ломоносове» писалось, по признанию самого Радищева, в 1780—1788 годах. Некоторые же места его могут быть датированы не ранее чем 1787—1788 годом. Так, Радищев пишет о знаменитых ораторах: «Таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие». Чарльз Джемс Фокс (1749—1806) стал особенно известен с 1787 года, когда он в целом ряде блестящих речей обрушился на торговлю рабами (вероятно, это особенно привлекало Радищева), требовал регентства принца Валийского над королем, у которого появились первые признаки душевной болезни. Эдмунд Борк, прославившийся как оратор еще в начале 70-х годов XVIII века, особенную популярность приобрел в предреволюционные годы — как обвинитель по делу генерал-губернатора Варрена Гастингса (обвинявшегося в превышении власти и тиранических действиях) и как оппозиционный оратор, требовавший регентства над душевно больным королем.

Знаменитый деятель французской революции Гоноре-Габриэль Рикета граф Мирабо тоже именно накануне революции приобрел наибольшую популярность как публицист и оратор.

Над некоторыми главами Радищев работал на протяжении ряда лет. Различные части их были написаны в разные годы. Так обстоит дело, например, с «Подберезьем». Даже отдельные части небольших отрывков этой главы писались в разные годы. Возьмем то место, где излагается разговор с семинаристом. Начало его написано не раньше 1782 года. В нем упоминается «Недоросль», как произведение, хорошо знакомое читателям. На сцене «Недоросль» был поставлен в 1782 году. Продолжение же разговора с семинаристом написано **не позже 1781 года** — начала 1782 года. Там идет речь о русском переводе сочинения английского юриста Блэкстона «Истолкование английских законов». Упоминаются две части перевода — они появились в 1780 и 1781 годах. В 1782 году появилась уже **третья** часть. На этом основании Я. Л. Барсков датировал данное место 1781 годом[1]. В категорическое утверждение Бар-

---

[1] Я. Л. Барсков, Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.—Л., 1935, стр. 370.

скова можно внести некоторые коррективы — датировать можно и **началом** 1782 года, когда третья часть еще не вышла. Но не позже.

И в том и в другом случае очевидно одно — две части одного и того же отрывка из одной главы написаны **в разные годы.**

Конец же главы написан после цензурного разрешения, т. е. во второй половине 1789 года. Сравнительно поздно написана глава «Тосна». В ней, между прочим, говорится о временном улучшении дороги в связи с поездкой «государя». Речь идет о поездке Екатерины II в 1785 году. Следовательно, «Тосна» написана позже 1785 года. Сравнительно поздно — не ранее конца 1787 года — закончен «Проект в будущем» (но до революции 1789 года). Итак, разные части «Путешествия» были написаны в неодинаковое время. За эти годы общественно-политические взгляды Радищева претерпели некоторую эволюцию. Естественно поэтому, что в некоторых местах «Путешествия» высказываются идеи, не совсем совпадающие с основным духом книги.

ЖАНР И КОМПОЗИЦИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

Что из себя представляет «Путешествие из Петербурга в Москву» с точки зрения жанра? Что это — беллетристика, публицистика, научный трактат? Единое это произведение или сборник разрозненных отрывков? Ученые по-разному отвечали и отвечают на эти вопросы.

А. И. Незеленов высказал мнение, что «Книга эта есть собственно ряд публицистических статей о различных предметах, о литературе, о цензуре и, главным образом, о крестьянах и крепостном праве»[1]. В. П. Семенников считал, что форма и композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» восходит к Стерну, к его «Сентиментальному путешествию во Францию и Италию» (1767 г.). «Путешествие», — писал Семенников, — не представляет развития одного целого сюжета; связь отдельных глав держится только на единстве действующего лица (путешественника), в отдельных же главах развиваются самостоятельные сюжетные мотивы»[2]. Семенников отметил многочисленные сюжетные совпадения со Стерном. В то же время он подчеркивал, что «По общему тону сентиментализм Радищева, как мы и указывали, прямо противоположен сентиментализму Стерна, который был совершенно чужд всякой

[1] А. И. Незеленов, Собрание сочинений, т. IV, СПб, 1889, стр. 312.
[2] В. П. Семенников. Радищев, стр. 284.

политики». Иногда «Радищев сознательно пародирует Стерна». Так, английский автор, описывая деревни, рисует идиллическую картину благополучия крестьян, а Радищев **пародирует** его, показывает прямо противоположное.

А. П. Скафтымов в 1929 году в статье «О реализме и сентиментализме в «Путешествии» Радищева писал: «Радищев, в сущности, занят исключительно целями публицистического назидательного воздействия... «Путешествие» Стерна Радищеву послужило лишь образцом формы свободного, несвязного изложения... Форма «Путешествия» была избрана как наиболее удобная для объединения и размещения тех многообразных элементов действительности, по поводу которых Радищев имел в виду высказывать свои порицания и призывы»[1].

Л. Б. Лехтблау полагал, что «Стерновская свободная композиция могла служить удобным способом изложения собранного Радищевым за многие годы разнообразного материала из русской действительности»[2].

Очень много внимания вопросам о жанре и композиции знаменитой книги Радищева уделялось Г. А. Гуковским. Особенно интересна его статья «Радищев как писатель». Г. А. Гуковский показал самостоятельность и оригинальность произведения Радищева. В композиции своего сочинения, оставаясь глубоко оригинальным писателем, Радищев использовал и композиционные приемы многочисленных западноевропейских (английских, французских) «сентиментальных путешествий»—Стерна, Дюпати. Последний показал возможность, «свести в одну книгу благодаря удобной композиционной формуле и обильный, фактический материал и передовую идейную пропаганду, конечно, в преломлении сентиментального индивидуализма». От Стерна же «и традиции, связанной с ним, Радищев взял ряд технических приемов связывания кусков произведения; мы встретим у него и найденную рукопись, и рассказ встреченного в путешествии человека, и экскурсы и воспоминания самого путешественника в качестве методов включения в книгу ее составных частей. Но механизм использован Радищевым вовсе не по-стерновски и с другими целями».

Г. А. Гуковский показал, что все произведения Радищева в какой-то мере автобиографичны — в том числе и «Путешествие». И неважно, что детали биографии «Путешественника» и Радищева не совсем совпадают. Гуковский справедливо за-

---

[1] А. П. Скафтымов, Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, стр. 77—102.

[2] Л. Б. Лехтблау. Стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. (В сборнике «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», М.—Л., 1940, стр. 248).

метил: «Молодой Гете написал роман, в герое которого читатель мог угадать его самого, хотя Вертер застрелился, а Гете стал тайным советником»[1].

Точка зрения Г. А. Гуковского представляется наиболее убедительной. Мы считаем необходимым корректировать ее лишь чрезвычайно важным наблюдением академика М. П. Алексеева о влиянии английских «путешествий» в Россию на книгу Радищева. Выше уже отмечалось, что английские путешественники, описывая Россию, обращали особое внимание на **социальные** отношения в России, на положение русских крестьян, на характер русских песен. М. П. Алексеев пришел к выводу, что эти «путешествия» и были учтены Радищевым в композиции его книги.

Примером английских «путешествий» может служить описание путешествия в Россию Кокса[2], приехавшего из Москвы в Петербург в 1778 году. В 1784 году были напечатаны в двух томах его путевые записки. Дорога из Москвы в Петербург описывается в 1 томе. Любопытен его план: «Отъезд из Москвы. Прибытие в Тверь. История и описание этого города. Местные произведения. Четвероногие. Птицы. Рыбы. О стерляди. Продолжение путешествия. Валдайские горы и озеро того же названия. Дорога на деревянном настиле и как их делают. Крестьяне, их дома, образ жизни и обычаи. Почтовая езда. Русские песни и любовь русских к пению».

Нетрудно заметить, что композиция радищевского «Путешествия» во многом сходна с Коксом. Стр. 347—348 (французского издания) посвящены дороге, 349—деревне, 350—избе, 352—крестьянам. Композиционное сходство несомненное. Кокс отмечает любовь русских к пению. На стр. 357 (французского издания) Кокс пишет: «Во время пути я с изумлением наблюдал также страсть русских к пению. Лишь только наши ямщики и почтари садились на козлы или в седло, они начинали напевать песни... Солдаты поют все время на походе; крестьяне поют за работой, в кабаках раздаются песни, и вечер наступает среди звуков песен, доносящихся изо всех соседних деревень». Все это перекликается с главой «София»: «Извозчик мой затянул песню... Извозчик мой поет». И Кокс и Радищев отмечают «заунывность» русских песен. Но Радищев иначе, чем Кокс, использует наблюдение над любовью русских к пению — он сразу же переходит к политическим сентенциям. В той же главе «София» говорится: «Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном

---

[1] Г. Гуковский. Радищев как писатель. (В сборнике «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М.—Л., 1936, стр. 141—192).

[2] Coxe. Vozage en Pologne, Russie, Suède et Danemark. Geneve, 1784 (французский перевод).

расположении народного уха умей учреждать бразды правления». То же и с кабаками: «Бурлак, идущий в кабак, повеся голову» и возвращающийся окровавленный от оплеух, «многое может решить, доселе гадательное в истории российской». У Кокса же кабаки — это лишь места, где веселятся, поют. Подчас с Коксом сознательно ведется полемика (хотя он и не называется). Это чувствуется уже в заглавии — у Кокса путешествие из **Москвы** в Петербург, у Радищева, наоборот, из Петербурга в Москву. Вряд ли это случайно. Полемика чувствуется в ряде мест. На стр. 352 Кокс пишет: «Крестьяне хорошо одеты, хорошо живут и, повидимому имеют здоровую и обильную пищу». Описывая те же самые предметы, Радищев приходит к другим выводам. И сходство, и полемика с Коксом проявились даже в мелочах. И тот, и другой описывают ранние браки крестьян (для мужчин), «снохачество». Но при этом между выводами Кокса и Радищева была существенная разница.

Кокс писал: «Благодаря большому просвещению, науке, некоторому подъему духовенства и новейшему запрету таких браков со стороны правительства, они становятся со дня на день более редкими и надо надеяться, будут, наконец, совершенно уничтожены». Радищев же не разделял этот оптимизм.

Композиционные приемы Кокса (как и других английских путешественников) оказали несомненное влияние на Радищева. Радищев создал книгу, которая сочетала в себе достоинства художественного произведения, публицистического сочинения и научного труда. Жанр «Путешествия» давал возможность более или менее систематично изложить общественно-политические, философские, экономические, эстетические, этические взгляды, общественно-политическую программу, обличать существующий строй, воздействовать на ум и чувство читателя. «Путешественник» (воплощающий авторское «я») постоянно пропагандирует передовую идеологию и прежде всего антикрепостническую программу[1].

Главный вопрос, который занимал Радищева — вопрос

---

[1] Г. П. Макогоненко пытается доказать, будто «путешественник» постепенно перевоспитывается—освобождается от либеральных иллюзий, становится революционером. В начале книги он «либерал», а затем—революционер. Но как же с этим согласовать фразу о бурлаке, идущем в кабак повеся голову» и «возвращающийся обагренный кровью от оплеух», бурлаке, который «многое может решить, доселе гадательное в истории русской»?—фразу, содержавшуюся в начале книги (глава «София»). Если бы Радищев задумал свое произведение в том плане, о котором говорит Макогоненко, то пришлось бы признать, что «Путешествие» не достигло цели, т. к. не было понято около 150 лет — до Макогоненко. А среди читателей «Путешествия» были и такие искушенные люди, как, например, А. С. Пушкин. Но и великий поэт не заметил того, на что обратил внимание Макогоненко.

о крепостном праве. В отличие от своих предшественников он выступал не с критикой отдельных сторон крепостничества, а выдвигал требование уничтожения **крепостнической** системы. Особенно четка эта антикрепостническая программа изложена в «Путешествии из Петербурга в Москву».

В книге Радищева показана жесточайшая эксплуатация крепостных крестьян. Исключений нет. Эксплуатируют и мучают крепостных **все** помещики, весь помещичий класс. Радищев, вообще, постоянно стремится подчеркнуть **типичность** рисуемой им картины. Так, в «Любани» говорится: «Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть и зимою и летом». Он рисует не временный эпизод, а **обычное** состояние России.

И недаром в книге не сказано ни слова о войнах, в которых участвовала Россия в момент выхода «Путешествия» — опять-таки потому, что Радищев стремится подчеркнуть **типичность** рисуемой им картины. Но Радищев не только изображает тяжелейшее положение крепостных. Он научно доказывает необходимость и неизбежность уничтожения крепостничества.

Г. А. Гуковский показал, что помимо эмоционального воздействия на читателя, Радищев выдвинул несколько групп рациональных аргументов против крепостного права: экономические, юридические, моральные[1]. К этому нужно еще добавить запугивание помещиков призраком «Пугачевщины».

В нескольких местах книги, особенно в «Проекте в будущем», Радищев показывает экономическую неэффективность, малопроизводительность крепостного права. Мы не будем приводить примеры этого — они общеизвестны.

Далее Радищев доказывает противоправность крепостничества. Оно противоречит как естественному, так и гражданскому праву. «Право естественное, — говорится в «Проекте в будущем»,— показало вам человеков, мысленно вне общества, приявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следовательно, равные во всем между собою и единые другим не подвластных». Итак, с точки зрения естественного права крепостничество незаконно. Незаконно оно и с точки зрения гражданского права. Так же, как и Руссо, Радищев исходит из того, что при образовании гражданского общества все люди в **одинаковой мере** ограничили свою естественную свободу. Следовательно, и перед гражданским законом все правы («Властитель первый в обществе есть закон; ибо он для всех один»). Поэтому рабство

---

[1] Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 441—442.

крестьян противоречит не только естественному, но и позитивному праву («порабощение есть преступление»).

Такова юридическая аргументация Радищева против крепостного права.

Далее. Радищев доказывает, что крепостное право противоречит этике, развращает нравственно как крестьян, так и помещиков. Радищев признает безнравственное властвование «над ближним своим самопроизвольно». Это «жестокость»... «неправда» и грех.

Русский народ — глубоко нравственный, особенно крестьянство. Радищев не скупится на примеры. Так, в «Едрово» рисуется чистый образ крестьянской девушки Анюты. Высоконравственными людьми изображает Радищев и родственников Анюты. И вообще Радищев подчеркивает нравственную чистоту **большинства** крестьян. Об этом недвусмысленно свидетельствует начало «Едрово», где крестьянские девушки вообще противопоставляются московским и петербургским «боярынькам». Высоконравственный образ крестьянина (жениха) встречаем мы и в «Зайцово». Пороки среди крестьян—исключения и порождаются они крепостным правом, дворянским примером разврата. И недаром Анюта советуется не пускать жениха в Питер. «Не пускай его любезная, Анютушка... он идет на свою гибель. Там он научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего и тебя любить перестанет... А тем скорее, Анюта, если ему придется служить в дворянском доме. Господский пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата доходит до деревень. Пример есть истинная чума». Итак, Радищев стремится найти **социальную** причину «порчи нравов». Он подходит к этому вопросу необыкновенно глубоко—гораздо глубже многих выдающихся западноевропейских мыслителей, публицистов, писателей.

Так, например, на западе, во Франции одним из виднейших писателей, занимавшихся проблемой «порчи нравов» здорового деревенского населения, был Ретиф де ла Бретонн (1734—1806). В многочисленных романах он показывал, как «испорченный» город развращает крестьян. При этом он противопоставлял «деревню» вообще городу тоже «вообще». А Ретиф де ла Бретонн, сам выходец из крестьян, ставший типографским рабочим в Париже, был одним из наиболее значительных западноевропейских писателей-моралистов XVIII века. Радищев же пишет не о «городе» вообще и не о «деревне» вообще. **Дворяне, помещики,** живущие в городе, развращают крестьян. Такова мысль Радищева.

Крепостное право подрывает крестьянскую нравственность различными путями. В частности, следствием крепостничества

являются браки между несовершеннолетними крестьянскими мальчиками и взрослыми девушками. Без уничтожения крепостного права крестьянская нравственность погибнет. Таков вывод автора «Путешествия». Крепостное право развращает и помещиков. Оно превращает их в насильников, садистов, развратников. «Нет ничего вреднее,—пишет Радищев,—как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой — робость». Интересы нравственности требуют уничтожения крепостного права. Такой вывод напрашивается при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву».

Наконец, Радищев выдвигает и еще один аргумент за уничтожение крепостного права. Он показывает, что если сохранится крепостничество, то неизбежно новое восстание крестьян, новая «Пугачевщина». Радищев высказал глубокую мысль —причиной пугачевского восстания было жестокое угнетение крестьян. В его время этого не понимали многие даже выдающиеся мыслители как русские, так и западноевропейские. Радищев же совершенно четко сформулировал свой тезис.

В «Проекте в будущем» говорилось: «Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих!». Пугучевское восстание произошло от угнетения. Оно было восстанием крепостных против крепостников. В главе «Едрово» читаем: «В бывшее Пугачевское возмущение все служители вооружились на господ своих».

Крепостничество делает неизбежным новое восстание крестьян. В «Проекте в будущем» говорится: «Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братья наша, в узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И ее пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем... Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности и первый льстец, или любитель человечества,

возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитеся».

Примеров такого «запугивания» помещиков можно было бы привести много. Мы согласны с И. М. Троцким, полагавшим, что «Радищев... размахивал крестьянским топором перед глазами благородного российского дворянства», пугал его призраком «пугачевщины».

Такова антикрепостническая аргументация Радищева. Она была прочно усвоена и развита дальше декабристами. Радищев выступал **за освобождение крестьян с землей.** В «Проекте в будущем» признавалось ненормальным и вредным тот факт, что «земледелец» не имеет «права распоряжаться ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит». Вслед за «Рассуждением о происхождении неравенства между людьми» Руссо Радищев доказывал, что «в начале общества тот, что ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно».

В теперешней России другое положение. Земледелец, крестьянин не имеет собственной земли. Радищев признает это ненормальным. Он считает нужным дать крестьянам землю. Чья же земля будет передана крестьянам? Будет ли ликвидировано помещичье земледелие? Радищев не ставит так вопроса. Крестьяне получат в собственность лишь «Удел в земле, ими обрабатываемой».

Освобождение крестьян может произойти и «снизу» и «сверху». И в том и в другом случае Радищев допускал известную постепенность в уничтожении крепостничества. Это предусматривается в «Проекте в будущем». Рабство подразделяется на «сельское» и «домашнее». «Сие последнее уничтожается прежде всего и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в домы. Буде помещик возьмет земледельца в дом свой для услуг или работ, то земледелец становится свободен».

Далее предполагалось разрешить крестьянам вступать в брак без согласия помещика, «запретить брать выводные деньги. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемой, должны они иметь собственностью, ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует, никто его оного да не лишит самопроизвольно. Восстановление земледельца во звании гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произволь-

ное наказание без суда... За сим следует совершенное уничтожение рабства»[1]. Так решает Радищев вопрос о крепостном праве в «Путешествии из Петербурга в Москву».

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев выступил с резкой критикой, с теоретическим развенчанием не только крепостничества, но и самодержавия. Теоретически он попрежнему оставался сторонником республики. И все же в его отношении к монархии произошли некоторые изменения. Он допускает при известных условиях временное сохранение монархии, использование ее для проведения реформ. Правда, Радищев не высказывает этого мнения категорически. Он колеблется, и монархические иллюзии в «Путешествии» высказываются лишь в так называемом «Проекте в будущем», написанном сравнительно поздно — не раньше 1787 года. На Радищева повлияла предреволюционная французская публицистика. И все же «Путешествие» меньше подвержено монархическим иллюзиям, чем французские мыслители того времени.

Абсолютизм, самодержавие Радищев решительно осуждает, развенчивает, показывает его реакционную сущность, о чем свидетельствует уже эпиграф книги. «Чудище обло, озорно, огромно , стозевнно и лаяй». Эти слова были хорошо известны современникам Радищева — они взяты из романа Фенелона «Приключение Телемака», переведенного на русский язык В. К. Тредьяковским (СПб, 1766). В романе Телемак сходит в подземный Тартар и видит там «царей увенчанных, употреблявших во зло свое на престоле могущество», видит «гнуснейших и страшилищны паче, нежели химера, нежели гидра лернейска... И напоследок, нежели преужасный пес Кербер, чудище обло, озорно, огромно, с тризевней и лаяй, из челюстей, что своих кровь блюет ядовиту и смольну, как могла бы заразить живущих всех земнородных... Явно казалось, что из царей сих самые злые были те, кои приписаны привелены. В жизни их похвалы, для того, что злых паче боятся, нежели благих, и что сами они желают бес подлых ласкательств». Неудивительно, что «Путешествие» Радищева сразу же воспринималось читателем как сочинение, направленное, прежде всего, против самодержавия — так понял его и А. С. Пушкин. Радищев подчеркивает, что речь идет не только о конкретном самодержце, а о самодержце вообще. Характерно, что Екатерина II упоминается (хотя бы и в форме намека) очень редко. Радищев **обобщает** образ абсолютного монарха. Так, в главе «Тосна», говоря о своем заблуждении, будто дорога в Москву хороша, Радищев пишет: «Таковою ее почитать все же, которые ездит по ней вслед госу-

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 322.

даря». Последнее слово не случайно — речь идет не о **государыне** (Екатерина II), а о **государе**, как явно собирательном образе. При любом самодержце в стране заботятся лишь о фасаде — такова мысль Радищева. Самодержавие вредно, гибельно для страны.

Радищев весьма последовательно подводит читателя к такому выводу. Он начинает с показа отдельных, частных случаев произвола, беспорядка, царящего в России, и затем показывает, что все это—результат абсолютизма. Раскрытию этого тезиса посвящен целый ряд глав («София», «Чудово», «Спасская Полесть»).

Радищев выступает не только против самодержца, но и показывает, насколько прогнил весь механизм абсолютистского государства.

В главе «София» описывается почта, ямское сообщение. И даже здесь нет порядка, процветают взятки — и это не случайность, а закономерное следствие абсолютизма.

Так, даже в мелочах государственной жизни Радищев видит губительные следствия абсолютизма.

В главе «Чудово» Радищев переходит к большим обобщениям. Правда, и здесь описывается частный случай. Путешественник и еще несколько человек попали в кораблекрушение. Местный начальник не оказал никакой помощи — сержант не решился разбудить его. Итак, речь идет о частном случае и о небольшом начальнике. Но эта «случайность» — следствие абсолютизма.

Радищев пишет: «Возможно ли, говорил я сам себе, что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя[1], совершается такое бесчеловечие!». Но недоуменный вопрос быстро разрешается — при абсолютизме это **неизбежно.** И далее говорится: «Я воспомянул о заключенных англичанах в темнице бенгальского субаба». И в примечании дается краткое изложение одного эпизода, рассказанного Рейналем. Англичане погибли в темнице бенгальского субаба. Народ сочувствовал им, но никто не решился доложить об этом монарху: «Почивает он». И Рейналь спрашивает: «Но что ж такое мучитель? или паче, что ж такое народ, обыкший к игу мучительства? Благоговение ль или боязнь тягчит его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснее богов, к коим человек воссылает или молитву, или жалобу во время нощи или в часы дневные. Если благоговение, то возможно человека возбудить на почитание соделателей его бедствий; чудо, возможное единому суеверию. Чему более удивляться, зверству ли спящего набаба или подлости несмеющего его разбудить?».

---

[1] Радищев опять говорит о государе, а не о государыне, Образ монарха **обобщается.**

В государстве индийского деспота и самодержавной России «порядки» одинаковы — к такому выводу подводит Радищев читателя.

Это великолепно поняла Екатерина II, сделавшая характерное замечание о «Чудове»: «Ситации 36 страницы доказывают жестоко устремленная мысла сочинителя; il cite un fait atroce, которое происшествие тут не идет. Англичане задохнулись от духоты. Каликутского жара, а рыбачие лодки можно нанимать и без командира скарея, нежели по его приказанию, да и спящего человека обвинить нельзя за то, что ево не разбудили»[1].

Особенно резкое и глубокое обличение абсолютизма дано в главе «Спасская Полесть». В ней рассказывается два частных эпизода. О «государеве наместнике», посылавшем курьеров в Петербург за устрицами (на казенные деньги», и о купце, ставшем жертвой судебного произвола.

И эти два эпизода дают Радищеву повод к развенчанию самодержавия. Именно абсолютизм делает возможным подобные «случаи». Радищев теоретически обосновывает это.

В самодержавном государстве только верховная власть «может быть беспристрастна». «Может быть», но не является. Если даже монарх и захочет быть справедливым, он все равно не достигнет цели — от него скрыта истина. Радищев показывает это в знаменитом «Сне». И опять-таки подчеркивается **типичность** рисуемой картины. Ее можно наблюдать в любом самодержавном государстве. Недаром Радищев пишет: «Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан, или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле». Каков бы ни был титул неограниченного монарха, где бы ни находилось его государство, картина везде одинакова.

Такой же обобщающий характер носит и восклицание: «О, если бы оно (истина) пребывало хотя на мизинце царей!». **Все** самодержцы не могут знать истину. И поэтому даже самые благие намерения их не приведут ни к чему.

Мрачная картина самодержавного государства, открывающаяся после появления «истины» во дворце (во «Сне») применима к любому абсолютистскому государству.

Глава «Спасская Полесть» не только разоблачала реакционную сущность абсолютизма, она полемически заострена и против ряда прогрессивных мыслителей, ратовавших за «просвещенный абсолютизм». И прежде всего против Вольтера.

«Фернейский мудрец», как звали Вольтера, выдвинул ло-

---

[1] Я. Л. Барсков, указ. соч., стр. 366.

зунг: «Философ — советник королей». Он был убежден, что философы могут «просветить» королей, «открыть» им глаза на их политику[1]. Радищев же доказывает невозможность этого. Описание царского двора Радищевым звучит явно полемично по отношению к «Мемуарам» Вольтера. В них давалась язвительная характеристика Фридриха II и его двора вплоть до скандальной хроники (намека на половые извращения Фридриха II и т. д.)[2]. Но Вольтер все объяснял личными качествами короля, Радищев же утверждал, что личные качества не имеют ни малейшего значения. Дело не в них, а в природе абсолютизма. Поэтому в отличие от вольтеровских «Мемуаров» в «Спасской Полести» пороки характерны не столько для царя, сколько для вельмож. Царь же упоен лестью и это неизбежно — он не знает правды. Поэтому самый добродетельный и просвещенный монарх при самодержавной форме правления никогда не принесет блага нации.

Показывая реакционную сущность, вред самодержавия, абсолютизма, Радищев теоретически доказывает неправомерность этой формы правления, опираясь на «Общественный договор» Руссо, на русскую историю. В главе «Новгород» Радищев проводит мысль о том, что Иван III незаконно уничтожил независимость новгородской республики. На стороне Ивана III была сила, а не право.

Радищев, по существу, подводит читателя к выводу, что абсолютизм вообще основан не на праве, а на силе. Но «сила не есть право», — доказывал Руссо. Поэтому самодержавие незаконно.

В главе «Хотилов», в «Проекте в будущем», подчеркивалось, что люди сорганизовались в общество ради «собственного блага» и лишь с целью его достижения индивиды отказались от «естественной свободы». Такого рода «общественный договор» не ведет к самодержавию. «Властитель первый в обществе есть закон». Следовательно, закон выше царя, и самодержавие неправомерно.

Включенная же в главу «Тверь» ода «Вольность» развенчивала не только абсолютизм, но и монархию вообще.

Так, **теоретически** Радищев доказывает неправомерность абсолютизма. Он приводит против него и исторические аргументы. В «Новгороде» говорится о свободе древних славян, древнего Новгорода. Иван III незаконно уничтожил ее. И потомки новгородцев имеют право на свободу.

Радищев пророчит неизбежность гибели самодержавия. В «Новгороде» он пишет: «Гордитеся, тщеславные созидатели

---

[1] К. Н. Державин. Вольтер. М., 1946, стр. 224—284, гл. «Короли и философы».

[2] Вольтер. Избранные произведения. М., 1947, стр. 413—422.

градов, гордитесь, основатели государств, мечтайте, что слава имени вашего будет вечна... Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению».

Екатерина II великолепно поняла смысл «Новгорода» и раздраженно оспаривала Радищева: «Говоря о Новегороде, о вольном ево правлении и о суровости Царя Иоана Васильевича, не говорит о причине сей Казны, а причина была, что Новгород, приняв унию, предался Полской республики, следовательно, царь казнил отступников и изменников, в чем, поистине сказати, меру не нашел».

Полемизируя с Радищевым, Екатерина II доказывала правомерность царских действий против Новгорода: «Сочинитель вопрошает: но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоять Новгород? Ответ: древность владения и закон новгородской и всего света, которым наказывали бунтовщиков и от церкви отступников. Но сей вопрос тут делается, дабы отвергнуть власть и оставлен без ответа».

Екатерина II верно почувствовала революционную сущность антимонархических замечаний Радищева и сделала пометку: «Учинены вопросы те, по которым теперь Франция разоряется»[1].

В противовес абсолютизму Радищев выдвигал так называемое «народное правление». Образцом его автор «Путешествия» считал древний Новгород. «Известно по летописям,— пишет Радищев, — что Новгород имел народное правление. Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалася в посадниках и тысяцких. Народ в собрании на своем вече был истинный государь». Радищев называет Новгород «республикой», вкладывая в это понятие, вероятно, такой же смысл, как и Руссо.

Из приведенного отрывка ясно, что Радищев (как и Руссо) вопросу о форме правления придавал далеко не первостепенное значение. Гораздо важнее для него вопрос о том, кому принадлежит реальная власть. Народное правление — это суверенитет народа. Такое государство он считает республикой, даже если во главе его стоит монарх (новгородский князь).

Данные положения Радищева могли при известных условиях привести его к монархическим иллюзиям, что мы и наблюдаем в его «Проекте в будущем» в главах «Хотилов» и «Выдропуск».

Эта часть «Путешествия» вызвала и до сих пор вызывает споры, исследователи по-разному истолковывают его.

---

[1] Я. Л. Барсков, указ. соч., стр. 390.

Что это за «проект»? Выражает ли он мысли Радищева? И если да, то не противоречит ли это место книги всему остальному идейному содержанию «Путешествия»? Вот вопросы, до сих пор остающиеся дискуссионными.

Я. Л. Барсков, отмечая, что «Хотилов» — основная глава всей книги, ради которой и предпринято «Путешествие», пишет: «Императрица приняла проект за насмешку; ложь была ее стихией с детских лет... по большей части ее манифесты начинались пышными патетическими вступлениями и возвещали блаженство всех и каждого...». Автор проекта подражал стилю Екатерины и сознательно высмеивал императрицу. Трудно сочетать картину будущего государства, это «приятное божеству обиталище... «с наличием в государстве крепостного права»[1].

Доказывая, что «Проект» пародирует слово Екатерины II, Барсков ссылается на одно из ее писем к генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому (1775 г.): «Положение помещичьих крестьян таково критическое, что окромя тишиной и человеколюбивыми учреждениями избегнуть не можно» возмущения крестьян, которое от «несносного и жестокого ига воспоследует, ибо, не имев обороны, ни в законах и нигде, следовательно, всякая малость может их привести в отчаяние. Прошу быть весьма осторожну... дабы не ускорять и без того довольно грозящую беду... ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то против нашей воли оную возьмут рано или поздно. Ваше сиятельство из сих строк может сделать такое употребление, как Вы сами для пользы империи заблагорассудите. Ибо не безнужно, что я не одна сие чувствовала, но и другие оглянулися в своих предубеждениях»[2].

Барсков, приведя эту выдержку, замечает: «Намек Екатерины был так ясен, что Вяземский, разумеется, не утаил этого письма у себя; содержание его могло быть известно и А. Р. Воронцову и А. А. Безбородно, и через них и Радищеву». И Радищев высмеял это письмо[3]. Предположение Я. Л. Барскова не кажется нам праводоподобным. Во-первых, высмеивать подобные фразы не было никакого смысла — они могли встретить лишь сочувствие Радищева. Во-вторых, подобных сентенций можно привести сколько угодно и из других авторов XVIII века. Козельский, Н. Панин тоже говорили об этом в сходных выражениях. Следовательно, данная мысль была широко распространена, и Радищев в «Проекте» вряд ли имел в виду Екатерину II, пародирование ее манифестов. Слиш-

---

[1] Я. Л. Барсков, ук. соч., стр. 427.
[2] «Осмнадцатый век», т. III, стр. 390—391.
[3] Я. Л. Барсков, ук. соч., стр. 436.

ком серьезные вопросы затрагивает в «Проекте» Радищев, чтобы превратить эту часть книги в пародию. К тому же в конце главы он недвусмысленно говорит о своем согласии с «Проектом», подчеркивая, что автор «Проекта» его друг.

Г. П. Макогоненко, совершенно обойдя истолкование «Проекта в будущем» Я. Л. Барсковым, доказывает, что «Проект» перекликается с идеями Фонвизина, с написанным им (под диктовку Н. Панина) «Рассуждением о непременных государственных законах», что Радищев спорит с Фонвизиным, показывает иллюзорность его надежд на монарха»[1].

К сожалению, доказательств в подтверждение своего мнения Макогоненко не приводит. Между тем, точка зрения Макогоненко вызывает ряд недоуменных вопросов. Если в «Проекте» отразились идеи Н. Панина — Фонвизина, то как же объяснить содержавшееся в нем требование умаления «прав дворянства» и многочисленные антидворянские выпады? Это никак не вяжется с политическим обликом и Н. Панина и Фонвизина.

Ю. Г. Оксман отмечает близость **некоторых мест** «Проекта» (в основном, впечатления от пугачевского восстания) к «Рассуждению о непременных государственных законах»[2]. Очень интересные наблюдения над «Проектом в будущем» были сделаны И. М. Троцким. Отмечая, что он «редакционно плохо обработан», содержит в себе вставки, «не имеющие непосредственного отношения к помещенным в ней законодательным актам», И. М. Троцкий высказывал предположение, что первая и вторая части «Проекта», может быть, исходят от разных авторов — от какого-то учреждения (например, Сената) и от монарха. «Думается, однако,—заключает И. М. Троцкий, — что неотделанность эта не случайна: возможно, что Радищев и сам колебался, от чьего имени должны были исходить эти акты»[3].

Мы склонны дать такое истолкование: «Проект в будущем» выражает мысли Радищева — его «программу-минимум». О согласии Радищева с «Проектом» свидетельствует не только оговорка, что он написан его «другом», но и сочувственное изложение идей этого «друга» самим путешественником в конце «Хотилова».

Тот факт, что «Проект» принадлежит «другу», что «путешественник» «подбирает» его на дороге, не противоречит на-

---

[1] Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 475—476.

[2] «Научный ежегодник», Саратовского госуниверситета за 1954 г. Саратов, 1955, стр. 152. «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева, Саратов, 1959, стр. 47.

[3] И. М. Троцкий. Законодательные проекты А. Н. Радищева. (В сборнике «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М.—Л., 1936, стр. 29).

шему толкованию. Ведь это обычный композиционный прием «путешествий» XVIII века, идущий от Стерна. К тому же и «Вольность», написана не «путешественником», а другим лицом. «Проект в будущем» — это часть утопического романа», написанного «другом» путешественника. Такой жанр в XVIII веке был весьма модным[1].

«Проект» написан путешественником, частным лицом, а излагается от имени верховной власти. Совершенно очевидно, что «друг» — автор утопического романа, а «Проект в будущем» — отрывок из него. И недаром «друг» назван «гражданином будущих времен». Он мечтает о будущем, создает «утопию».

«Проект в будущем» делится на две части. В первой ставится вопрос об уничтожении крепостного права, говорится о достигнутых Россией успехах, во второй — об уничтожении придворных чинов. И. М. Троцкий полагал, что первая часть —«грамота», законодательный акт верховной власти, вторая — тоже. Такого же мнения придерживался Барсков.

Что касается второй части «Проекта», то мы полностью согласны с названными исследованиями. Это действительно законодательный акт с его специфическим языком, структурой. Первая же часть, на наш взгляд, вовсе не носит характера законодательного акта.

Законодательный акт всегда что-то устанавливает, юридически закрепляет. Между тем, первая часть «Проекта», за исключением концовки, не являющейся речью верховной власти, ничего не меняет, ничего не провозглашает (в юридическом смысле).

В самом деле. Пафос этой части — обличение крепостничества. Но оно не **уничтожено.** О том, что крепостное право отменяется, не сказано ни слова. Больше того, только **после** текста, идущего от лица верховной власти, говорится о целом ряде «законоположений», обнаруженных в бумагах «друга» и предусматривающих постепенное «уничтожение рабства». Текст же, излагаемый от лица верховной власти, — это обращение либо к какому-то органу, либо к подданным (скорее первое), **агитация** за уничтожение крепостного права, но не само уничтожение. И кончается обращение верховной власти **призывом** к помещикам — самим им начать освобождение крестьян.

Нам кажется, что эта часть проекта представляет из себя речь, произносимую в каком-то органе. Структура же всего

---

[1] О романе-утопии в XVIII в. см. Р. В. Сиповский, Очерки из истории русского романа, СПб, 1909. Об интересе к западноевропейским утопическим романам свидетельствуют публикации в «Московском журнале» статьи Карамзина об «Утопии» Томаса Мора.

«Проекта в будущем» представляется нам в следующем виде. «Проект» делится на две части.

В первой два раздела: речь, произносимая в каком-то органе верховной власти, и серия законодательных актов, направленных на претворение в жизнь выдвинутых в этой речи положений, на уничтожение крепостного права.

Вторая часть «Проекта» (в главе «Выдропуск») — законодательный акт (об уничтожении придворных чинов).

Над «Проектом в будущем» Радищев работал, вероятно, несколько лет и характер его, по-видимому, менялся.

И. М. Троцкий обратил внимание на то, что в первой части «Проекта» (которую он считал «грамотой»), хотя «кое-где» и «проглядывает лицо дающего ее монарха», но целый ряд мест характеризует ее как излагаемую, не от единоличного государя, а от какого-то органа. «Мы склонны предположить,— писал он, — что в какой-то момент работы над «Проектом в будущем» Радищев начал вытравлять в «грамоте» следы индивидуального манифеста, предполагая приписать ее некоторому учреждению. Работу эту он, однако, не довел до конца».

Мы согласны с И. М. Троцким, что «авторство» «Проекта» Радищев постепенно менял. Но мы думаем, что эта эволюция шла как раз в противоположном направлении — от коллективного органа (или даже частного лица) к монарху.

В самом деле. Начало «Проекта» не содержит ни малейших признаков «монархического» происхождения. Такие фразы, как, например, «Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем», никак не ассоциируется с монархом. Слово «наш» (например, «законоположением нашим») скорее обозначают множественное число, чем монарха. В начале проекта есть и такая фраза: «Известно вам из наших летописей, что мудрые правители нашего народа...». Вряд ли такие слова произносит монарх — скорее они сказаны просто гражданином.

Все это заставляет предположить, что первоначально «Проект» был задуман от лица не **монарха.** Но затем Радищев изменил прежнее намерение и стал излагать «Проект» **от имени монарха.** Со слов: «Державные предки наши» уже несомненно говорит монарх (а во второй части «Проекта»— это еще очевиднее).

Но изменив «автора» «Проекта», Радищев не переделал (или не довел до конца) явно не «монархическое» начало речи. Почему же он так поступил? Объяснить это небрежностью или спешкой нельзя — слишком ответственное место книги, чтобы Радищев не заметил противоречия.

Нам кажется, что здесь две причины.

Во-первых, Радищев (как это и отмечал И. М. Троцкий) явно колебался относительно окончательного «авторства» «Проекта». Во-вторых, монарха он понимал весьма своеобразно. Еще в примечании к переводу «Размышлений о греческой истории» Мабли говорилось: «Государь есть первый гражданин народного общества». Так же понимается «монарх» и в данном случае. Это так называемая «республиканская монархия», о которой писали французские публицисты, и, вводя «авторство» такого монарха, начало «Проекта» можно было бы не переделывать. Ведь такой государь тоже «гражданин». Правда, «первый», но все же «гражданин». Строго говоря, это «монарх» лишь по титулу, а по существу — своеобразный президент.

Но почему Радищев пошел на изменение «авторства»? Нам, кажется, под влиянием событий во Франции в 1787—1789 годах. Во-первых, как уже отмечалось, в передовой французской публицистике тех лет распространяются монархические иллюзии. Во-вторых, во Франции были заметны реформаторские потуги правительства.

В конце 1785 года Калонн подал Людовику XVI записку, в которой предлагалось уничтожить провинциальные представительства и ввести во Франции национальные совещания, распространить поземельный налог на дворян, духовенство и королевские земли, уменьшить подушную подать, цену на соль, отменить натуральную повинность.

Для обсуждения предложений Калонна в начале 1787 года было созвано собрание нотаблей, где была произнесена бесцветная речь короля и очень резкая Калонна.

Началось движение за созыв генеральных штатов. 19 ноября 1787 года король выступил с речью на заседании парламента. В одном из представленных королевских эдиктов обещался созыв генеральных штатов через 5 лет. Один из старых советников парламента, Роберт де Сон Венсон, в резкой речи потребовал созыва генеральных штатов в ближайшее время — не позднее 1789 года.

8 августа 1788 г. Бриенн возвестил о созыве генеральных штатов, 5 мая это собрание открылось.

Все это и повлияло на Радищева. У него появляются (хотя и небольшие) монархические иллюзии, надежды на реформаторство «сверху». Созыв генеральных штатов по Франции, движение за них представлялись весьма соблазнительным сюжетом для русского публициста, особенно для отрывка из утопического романа. Учитывая интерес в России к созыву французских генеральных штатов, Радищев мог изменить первоначальное авторство «Проекта», заставить произносить монарха речь — может быть, в органе типа генеральных шта-

тов. Конечно, об этом было можно писать только в жанре утопического романа — Радищев и сделал это.

Так, произошло изменение «авторства» «Проекта»[1].

Все это говорит за то, что в 1787—1789 годах у Радищева в какой-то мере появляются монархические иллюзии. О наличии их говорит и концовка «Путешествия» — «Слово о Ломоносове». Там дается самая блестящая характеристика Мирабо, Фоксу, Борку. Между тем, все они были сторонниками **конституционной монархии,** не ставили вопроса о республике, и Радищев не усматривал в этом их недостатка.

Итак, Радищев допускает возможность конституционной монархии. Он уже не так последователен в этом вопросе, как в период создания «Вольности». А между тем, эта ода включена в текст «Путешествия» (глава «Тверь»). Как же это согласовать?

Наиболее правдоподобным представляется следующее объяснение.

По вопросу о форме правления (как и по другим вопросам) у Радищева была программа-минимум и программа-максимум. В качестве программы-минимум он был готов в «Путешествии» принять и конституционную монархию. Но не в любом случае и не всякую монархию. Радищев мог принять лишь такую монархию, которая будет проводить реформы, всю его «программу-минимум» в целом. Причем это — конституционная монархия. В ней должно быть проведено «разделение властей» («равновесие во властях» — говорится в «Проекте»). Создается представительный орган — с речью к нему и обращается монарх.

Наконец, это монархия лишь по форме. По существу же, монарх, как «первый гражданин», — своеобразный президент. Но и такая «республиканская монархия» признается Радищевым лишь как временная стадия развития. Рано или поздно она сменится республикой. Поэтому-то Радищев и включил оду «Вольность» в «Путешествие».

Республика — это программа-максимум Радищева применительно к форме правления.

Включение «Вольности» в «Путешествие» свидетельствует и о том, что он остался сторонником конфедерации. Таковы взгляды Радищева на форму правления в «Путешествии из Петербурга в Москву». Причем это **теоретическое** решение. Практически на Екатерину II ни малейших надежд не возлагалось. Иначе незачем было бы наполнять книгу личными выпадами против Екатерины II.

---

[1] Следовательно, «Проект в будущем» был написан в 1787—1789 гг.

У Радищева появились небольшие монархические иллюзии. Но его программой-максимум по-прежнему оставалась республика.

Следует отметить, что при этом Радищев остался верен теоретическим принципам «Общественного договора» Руссо, по-прежнему не соглашался со многими монархическими (точнее, конституционно-монархическими) идеями Монтескье. Больше того, теоретически Радищев допускал возможность демократии, «народного правления» в любом государстве — независимо от величины, климата и т. д. В данном случае он был радикальнее даже Руссо.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищевым выдвигались и «программа-минимум» и «программа-максимум».

Программа-минимум наиболее полно изложена в «Проекте в будущем». Она предусматривала уничтожение крепостного права, ограничение самодержавия, уничтожение дворянских привилегий, придворных чинов, равенство перед законом, установление своеобразного «равенства имуществ», развитие промышленности и науки, реформы уголовного и гражданского законодательства, введение свободы слова, печати, вероисповедания.

Радищев допускал, что монархическая власть сможет со временем постепенно осуществить его «программу-минимум».

В «Проекте в будущем» (глава «Хотилов») «друг» автора набрасывает план реформы, которые мог бы провести монарх: «ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повремянным законоположениям, к постепенному освобождению земледельцов в России».

И недаром «Проект» начинается со слов: «Доведя **постепенно** (подчеркнуто нами. — В. П.) любезное отечество наше до цветущего состояния».

Во второй части «Проекта» в главе «Выдропуск» тоже подчеркивается: «Вводя нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постепенно...».

Программа-минимум Радищева предусматривает уничтожение дворянских привилегий, самого дворянства как привилегированного сословия.

Радищев — **антидворянский** автор. Антидворянская направленность характерна для всей книги, но особенно ярко выражена в «Проекте в будущем» и в «Вольности». Ликвидация крепостного права невозможна без уничтожения привилегированного положения дворянства. Радищев смотрит на это сословие, как на паразитическое, тунеядческое, не только не приносящее ни малейшей пользы, но, наоборот, вредное для страны. Радищев спорит при это не только с идеолога-

ми реакционного русского дворянства (например, с М. М. Щербатовым), но и Монтескье и его сторонниками, пользовавшимися большой популярностью в России. Монтескье в «Духе законов» доказывал необходимость дворянства в монархии: принципом монархии является «честь». Носитель же ее — дворянство. «Монархическое правление...—пишет Монтескье, — предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства. Природа чести требует предпочтений и отличий»[1].

«В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом», потому что в таком случае никто не сдерживает «изменчивой и капризной воли одного». Монтескье считает недопустимым ликвидацию дворянства в монархии:

«Есть люди, которые в некоторых государствах Европы задумали полностью отметить юрисдикцию сеньоров. Они невидели, что добивались того, что было сделано английским парламентом. Уничтожьте в монархии прерогативы сеньоров, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое»[2]. Монтескье настойчиво проводил эту мысль на протяжении всего сочинения. «...монархии разлагаются, — писал он,—когда мало-помалу отменяются прерогативы сословий и привилегии городов»[3].

Взгляды Монтескье были чрезвычайно популярны в России, влияли на русскую политическую мысль. И Радищев счел нужным опровергнуть эту концепцию французского просветителя. В «Проекте в будущем» ведется принципиальный спор с Монтескье по вопросу о роли дворянства.

Подчас нетрудно найти соответствующие места «Духа законов», с которыми спорит автор «Путешествия». Так, например, Монтескье писал: «в монархиях мы видим вокруг государя подданных, озаряемых лучами его света, ...тут каждый, занимая, так сказать, более значительное пространство, может проявлять те добродетели, которые, не развивая в душе чувства независимости, все же придают ей величие»[4]. Явно против этого положения направлено следующее место во второй части «Проекта в будущем»: «возмечтали цари, что рабы их и прислужники (придворные), ежечасно предстая взорам их, заимствуют их светозарности».

Подобных примеров конкретной полемики с отдельными местами «Духа законов» можно было бы привести немало.

---

[1] Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 184.
[2] Там же, стр. 176.
[3] Там же, стр. 258.
[4] Там же, стр. 210.

И самое главное — Радищев спорит с Монтескье **по существу вопроса.**

Для автора «Путешествия» монархия, даже проводящая реформы, лишь **временная стадия** исторического развития. И он не озабочен ее «прочностью». К тому же дворянство не только не предотвращает деспотизм, а, наоборот, ведет к нему. И оно не является носителем «чести».

Наследственное дворянство — безусловное зло: «Полезно государству в начале своем личными своими заслугами, ослабело оно в подвигах своих наследственностию, и сладкий при насаждении, его корень произнес, наконец, плод горький. На месте мужества водворилася надменность и самолюбие, на месте благородства души и щедрости посеялись раболепие и самонедоверение, истинные скряги на великое». Дворяне — это «тунеядцы», «губители»[1].

Дворянство не принимает участия в производственном процессе. Это паразитическое сословие. Дворянство неизбежно порождает деспотизм, — утверждал Радищев. Дворянская лесть монархам ослепляет их; у государей появляется убеждение, что они необычные люди. «В «Проекте в будущем» говорится: «Жительствуя среди столь тесных душ (дворян) и подвизаемые на малости ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие государи возомнили, что они суть боги»[2]. По существу, та же мысль проведена и в «Спасской Полести» (во «Сне»).

Итак, в отличие от Монтескье (явно споря с ним) Радищев доказывает, что дворянство не предотвращает, а порождает деспотизм. Это вредное, реакционное сословие.

Выпады против наследственного дворянства, особенно «родовитого», постоянно встречаются в книге. Подчас Радищев спорит с реакционными дворянскими публицистами. Так, в «Тосне» высмеивается чванство «породой», сожаление знатного дворянства об уничтожении местничества, возмущение аристократии петровской «Табелью о рангах», Радищев (по предположению Я. Л. Барскова) полемизировал с М. М. Щербатовым, доказывавшим в комиссии 1767 года, что возведением в дворянство при выслуге чинов «уподляются дворянские роды и затмеваются их преимущества»[3]. В той же «Тосне» «старого покроя стряпчий» говорит: «Я докажу княжеское или благородное их (дворян) происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю не редкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение». Радищев явно высмеивал речь М. М. Щербато-

---

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 327.
[2] Там же.
[3] Я. Л. Барсков, ук. соч., стр. 358.

ва в «Уложенной комиссии». Щербатов утверждал, что «одни русские дворяне имеют свое начало от великого князя Рюрика и потом, по нисходящей линии, от великого князя Владимира»[1]. Радищев же нерешительно выступал против «хвастовства древния породы».

Дворянство — это скопище нравственно развращенных «жестокосердых» «мучителей», насильников, убийц. Такими помещики изображаются на протяжении всей книги. И речь идет не об отдельных личностях, а **о классе** в целом.

Поэтому ликвидация дворянства еще более необходима, чем уничтожение самодержавия. При решении проблемы соотношения дворянства и монархии у Радищева проявляется своеобразная «двойственность». С одной стороны, он объединяет их, показывает неразрывную связь между ними. Монарх опирается на дворянство, интересы помещиков защищаются царем. С другой стороны, Радищев делает попытки и отделить монарха от дворянства, увидеть некоторую разницу между ними. Монарх может при некоторых условиях проводить реформы, дворянство же препятствует им. В «Проекте в будущем» говорится: «мудрые правители нашего народа... старалися положить предел стоглавному сему злу (крепостничеству). Но державные их подвиги утщетилися известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиносостоянием, но ныне обветшалым и в презрение впадшим, дворянством наследственным».

Дворянство — реакционный класс; оно будет мешать проводить реформы, если даже монарх сочтет их нужными. И Радищев выступает как непримиримый враг дворянских привилегий, против существования привилегированного дворянского сословия. Дворянству нет места в будущей России. И уже в программе-минимум Радищева, в «Проекте в будущем», предусматривается уничтожение придворных чинов и постепенное уничтожение привилегий дворянства, «умаление прав» его. Постепенно это должно было привести к ликвидации привилегированного дворянского сословия.

Программа-минимум предусматривала равенство перед законом, реформу уголовного и гражданского законодательства, развитие промышленности, свободу совести, вероисповедания, слова, печати.

Свободе слова, свободе печати Радищев придавал исключительно важное значение. Никакие ограничения свободы печати недопустимы. Поэтому Радищев решительно выступал против цензуры (см. главу «Торжок»).

Свобода слова, свобода печати создадут подлинное обще-

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, книга шестая, второе издание, СПб, стр. 150.

ственное мнение в стране. А оно может оказать огромное влияние на политическую жизнь России. В этом случае Радищев как бы предвосхищал позицию Герцена в конце 50-х годов. Наконец, радищевская «программа-минимум» предусматривала своеобразие «равенства в имуществах». Положение о «равенстве в имуществах» в книге Радищева на первый взгляд непонятно. Оно достигнуто раньше, чем уничтожено крепостное право. Большинство населения России — пока еще крепостные крестьяне. Что же значит в таком случае «равенство в имуществах?».

Исследователи не пришли к единому мнению по этому вопросу.

В. П. Семенников полагал, что «эта идея могла быть взята Радищевым у Мабли...», но «эту мысль он понимал не в смысле коммунизма Мабли». Причем Семенников отмечал, что «идея о равенстве имуществ, хотя и в неразвитой форме встречается и у Монтескье». По мнению Семенникова, «равенство в имуществах» относится к «программе-максимум» Радищева и принадлежит к числу «тех идей, которые людей следующих поколений приводили к социализму»[1].

Я. Л. Барсков ограничился осторожным предположением: «Или, может быть, все указанные выше достояния — свобода равенство, братство — охватывают лишь высшие классы общества»[2].

И. Я. Щипанов, отмечая постановку Радищевым в «Хотилове» вопроса о «равенстве в имуществах», не уточняет, что же это за «равенство»[3].

Новейший исследователь, Ю. М. Лотман, приходит к выводу, что Радищеву было «глубоко чуждо стремление физиократов представить порядок, основанный на имущественном неравенстве, как «естественный». Однако характер внутренних противоречий России, обусловивший систему воззрений Радищева, делал для него недоступными и коммунистические идеалы Мабли»[4]. Но что же конкретно означает «равенство в имуществах» в понимании Радищева?

Прежде всего, мы считаем нужным подчеркнуть, что «равенство в имуществах» включено в программу-минимум. Оно достигнуто **раньше** уничтожения крепостного права и придворных чинов, включено в целый комплекс весьма умеренных положений. И как бы Радищев не спешил при написании

---

[1] В. П. Семенников, указ. соч., стр. 61, 66, 67.

[2] Я. Л. Барсков, указ. соч., стр. 428.

[3] И. Я. Щипанов. Еще раз об А. Н. Радищеве, («Вопросы философии», 1957, № 6, стр. 129).

[4] Ю. М. Лотман. Радищев и Мабли. XVIII в. Сборник 3, М.—Л., 1958, стр. 307.

«Проекта», он не мог не заметить этого «противоречия». По-видимому, в представлении Радищева такое «равенство» могло быть достигнуто и при крепостном праве. Вероятно, речь шла не о равенстве, а об некотором **уравнении** имуществ, ликвидации слишком кричащих контрастов в распределении имуществ **внутри господствующих классов** — помещиков и купцов.

В связи с этим нельзя не вспомнить следующее место из «Духа Законов» Монтескье: «Хотя в демократии действительное равенство есть душа государства, но его так трудно установить, что слишком большая точность в этом отношении не всегда желательна. Достаточно, если будет установлен ценз, определяющий и ограничивающий до некоторой степени различия; после этого специальные законы должны будут, так сказать, уравнять неравенства посредством налогов на богатых и льгот бедным. Только владельцы средних состояний могут предлагать такого рода уравнения или мириться с ними, богачи же во всяком ограничении их почестей и власти видят для себя оскорбление»[1]. Следует отметить, что и Мабли, теоретически высказывавшийся за коммунистическую собственность, практически предлагал лишь постепенное введение равенства имуществ. Для достижения этого он считал необходимым ограничение торговли, издание законов против роскоши, установление максимума земли, которым может владеть одно лицо (причем для каждого сословия предлагались различные максимумы)[2].

Такие представления о «равенстве имуществ» были чрезвычайно распространены в XVIII веке. И Радищев, конечно, в данном случае не шел дальше идеи постепенного относительного «уравнения» имуществ.

В этом смысле, как нам кажется, и следует понимать «равенство в имуществах».

Такова «программа-минимум» Радищева. Кроме того, в «Путешествии» выдвигались и «программа-максимум». Радищев оставался в принципе республиканцем — недаром в книгу включена ода «Вольность».

Что касается социального строя, то материал «Путешествия» не позволяет сказать, в чем здесь заключалась «программа-максимум».

Правда, исследователи иногда говорят о стремлении Радищева ликвидировать помещичье землевладение и об отрицательном отношении к буржуазии. Однако, нам кажется, что такие выводы сделаны в результате неверного истолкования текста «Путешествия из Петербурга в Москву».

Так, например, Е. В. Приказчикова пишет: «Вообще же кон-

---

[1] Ш. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955, стр. 200.
[2] Т. Мабли, Избранные произведения, М.—Л., 1950, стр. 126—161.

цепция Радищева по вопросу о земле сводилась к убеждению, что **землею владеть имеет право только тот, кто сам ее обрабатывает**. Это значит, что Радищев по сути дела требовал ликвидации помещичьего землевладения в пользу крестьян»[1]. Целый ряд других авторов разделяют точку зрения Приказчиковой. Но текст «Путешествия» не подтверждает ее мнения. Е. В. Приказчикова имеет в виду следующее место из «Проекта в будущем»: «Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? Представим себе мысленно мужей, пришедших в пустыню для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своем, они делят поросшую злаком землю. Кто жребий на уделе получает? Не тот ли, кто ее вспахать возможет? Не тот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточные? Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому, удел будет бесполезен. Она пребудет в запустении и ветр класов на ней не возвеет. Если она бесполезна делателю ее, то бесполезна и обществу; ибо избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного. Следовательно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы от первоначального общественного положения относительно владения. У нас тот, кто естественное имеет к оному право, не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чужую, зрит пропитание свое, зависящее от власти другого!»[2].

Мы сознательно привели **полностью** эту длинную цитату. На наш взгляд, при изучении взглядов Радищев получило довольно широкое распространение неправильный прием — выхватывать из контекста отдельные фразы, группы фраз и затем произвольно толковать их. В частности, это относится к данному месту.

Приведенная цитата совсем не подтверждает мнения Е. В. Приказчиковой, будто речь идет о ликвидации помещичьего землевладельца в пользу крестьян. Во-первых ,если бы даже речь шла о ликвидации помещичьего землевладения, то почему непременно только в пользу крестьян? Ссылаются на слова: «Тот, что ниву обработать может, тот имел на владение ею право». Но ведь с точки зрения политической экономии Адама Смита (а Радищев явно ее сторонник) обрабатывает землю не только тот, кто трудится физически. К числу «производящих» классов Адам Смит относил и буржуазию.

Во-вторых, где же в приведенной цитате говорится о необходимости ликвидации помещичьего землевладения? Речь

---

[1] Е. В. Приказчикова, Экономические взгляды Радищева. М.—Л., 1949, стр. 81.

[2] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, I, стр. 314—315.

идет лишь о том, что «в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право» — мысль, широко распространенная в XVIII веке, особенно четко высказанная в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» Руссо. В данном случае Радищев обратился к этому общему месту для обоснования тезиса о необходимости освободить крестьян и предоставить им в собственность «удел в земле, ими обрабатываемой». Признавая **теоретически**, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, что «в начале общества» так и было, Радищев практически не ставит вопроса о ликвидации помещичьего землевладения. В «Путешествии» нет ни одного места, которое выдвигало бы это требование. Отметим, что Екатерина II, старательно выискивавшая «вину» Радищева, не заподозрила ничего подобного. Она лишь отметила, что «описывает состояние крестьян, не имея собственной пашен»[1]. Наконец, ни А. Р. Воронцов, ни Безбородко — никто из современников не истолковал данное место так, как Приказчикова. А вряд ли современники поняли смысл книги Радищева хуже, чем последующие поколения.

Нельзя согласиться и с утверждением, будто для «Путешествия» характерно отрицательное отношение к буржуазии. Взгляд этот защищался одним из самых компетентнейших знатоков Радищева и русской общественной мысли XVIII—XIX века вообще Г. А. Гуковским. Он ссылался на то, что в главе «Новгород» на примере Карпа Дементьевича давалось «типическое изображение купеческой семьи, изображение глубоко отрицательное». Отсюда делался вывод, что «к русской буржуазии Радищев отнесся более чем подозрительно»[2].

Глава «Новгород» не подтверждает этого вывода. В ней, строго говоря, речь идет не о купечестве, не о буржуазии, не о ее качествах, а о вексельном праве, дается его критика. Этим и заканчивается глава. А это, по существу, критика всего тогдашнего российского законодательства. Образ же Карпа Дементьевича привлечен лишь как пример использования вексельного права для плутовства.

В «Путешествии» есть и положительная характеристика купцов. Так, в «Спасской Полести» персонаж, который «был в купечестве записан», явно положительный. Он рисуется как жертва существующего права, существующего строя. Именно история с ним вызывает размышления знаменитого «Сна». Следовательно, говорить о безусловно отрицательном отно-

---

[1] Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, стр. 162.

[2] Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 447.

шении Радищева к русскому купечеству невозможно. К тому же русское купечество отнюдь не было еще буржуазией. Что касается **класса** буржуазии, который в России еще не сложился, но на Западе давно существовал, то Радищев относился к нему положительно. Достаточно вспомнить его оценки Вашингтона, Фокса, Бюрка, Мирабо, Кромвеля. Поэтому мы не можем согласиться с Г. А. Гуковским.

В нашем распоряжении пока нет достаточных материалов для рисшифровки Радищевской «программы-максимум». Определенно можно сказать только одно—Радищев был сторонником конфедеративной республики.

Как же мыслил Радищев реализацию своей программы? Какое место он отводил революции и реформе? О какой революции он думал — имелась ли в виду крестьянская революция или что-то другое?

По всем этим вопросам высказывались и высказываются различные мнения.

Либерально-буржуазная историография старалась всячески преуменьшить революционность книги Радищева. Так, В. А. Мякотин, отмечая теоретическое оправдание Радищевым права подданных на восстание, полагал, однако, что главной целью «Путешествия» была мирная пропаганда[1].

Советские исследователи уделяли и уделяют огромное внимание проблеме «Радищев и революция». Очень много занимался ею В. П. Семенников, пришедший к выводу, что Радищев рассматривал революцию «как массовое народное движение, а не как популярный в его время придворный переворот»[2]. Того же мнения придерживался Г. А. Гуковский. Несколько иную точку зрения отстаивал И. М. Троцкий. «Нам думается, что, оправдывая революцию и признавая ее закономерность, Радищев утопически мечтал о том, как бы обойтись без нее, и именно потому с особым усердием размахивал крестьянским топором перед глазами благородного российского дворянства», — писал он. И. М. Троцкий полагал, что при известных условиях Радищев допускал возможность осуществления части своей программы путем реформы «сверху»[3]. Один из крупнейших исследователей, Ю. Г. Оксман, в результате тщательного изучения вопроса пришел к выводу, «что ни Радищев, ни декабристы не склонны были эту грядущую революцию полностью отождествлять с пугачевщиной... Изучая опыт этого неудавшегося восстания..., Радищев неудачу

---

[1] В. Я. Мякотин. На заре русской общественности. (В сборнике «Из истории русского общества», СПб, 1906, стр. 188, 189, 197).

[2] В. П. Семенников. Радищев, стр. 78.

[3] И. М. Троцкий. Вокруг Радищева. (В сборнике «А. Н. Радищев, материалы и исследования», М.—Л., 1936, стр. 15).

Пугачева («грубого самозванца», по его терминологии) объяснял тем, что восставшие не имели сколько-нибудь определенной программы, не отрешились от царистских иллюзий и искали «в невежестве своем паче веселия мщения, нежели пользу сотрясения уз»[1].

Г. Макогоненко, показывая революционность Радищева, не высказывается определенно по вопросу о том, как представлял себе автор «Путешествия» движущие силы революции. Проблема эта по-разному решается современными исследователями. Острая дискуссия, разгоревшаяся на страницах журнала «Вопросы философии», показал всю сложность вопроса. В ходе дискуссии высказывались разные мнения. Одни авторы утверждали, что Радищев признавал лишь путь крестьянской революции, решительно отвергая путь реформ, «разоблачая либеральные иллюзии Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Н. И. Панина. Другие авторы указывали, что Радищев, будучи революционером, допускал и возможность реформ «сверху»[1].

Как же ставится этот вопрос в «Путешествии из Петербурга в Москву»?

Прежде всего, Радищев теоретически обосновывает право нации на революцию.

Особенно интересна глава «Новгород». Говоря о покорении Новгорода Иваном III, Радищев высмеивает иллюзии «законного», «правового» пути решения споров между монархами и подданными. Цари не считаются с правом, они опираются на силу, и подданные должны поступать так же. «Но на что право, когда действует сила? — восклицает Радищев. — Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию народов? Может ли существовать, право, когда нет силы на приведение его в действительность?».

Нация может пользоваться своими правами, только опираясь на силу. Так теоретически Радищев оправдывал революцию. Он полемизировал с «отцом международного права» Гуго Гроцием, писавшим, что «нельзя сказать, чтобы право, лишенное поддержки силой, не имело никакого действия, ибо

---

[1] Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959, стр. 48.

[2] Ю. М. Лотман. Был ли Радищев дворянским революционером?. («Вопросы философии», 1956, № 3; см. отчет о докладе Ю. М. Лотмана на ту же тему в ИРЛИ («XVIII век», 3. стр. 589); Э. С. Виленская. О спорных вопросах и методах изучения идейного наследия А. Н. Радищева, там же, № 5; И. Я. Щипанов. Еще раз о А. Н. Радищеве, там же, 1957, № 6, А. В. Западов. О спорном и бесспорном в оценке наследия Радищева, там же: Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. О двух оценках «Путешествия из Петербурга в Москву» в советской литературе, там же, 1955; № 4, их же статья: в «Исторических записках» АН СССР, том 66.

соблюдение справедливости сообщает совести спокойствие, несправедливость же причиняет терзания и муки, подобные состоянию души тиранов, описанному Платоном»[1]. Радищев решительно оспаривал такое утверждение: «Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом».

И он не скрывал, что полемизирует именно с Гроцием: «Много было писано о праве народов, нередко имеются на него ссылку». Любому читателю XVIII века было ясно, что речь идет о Гроцие.

Правда, Гроций имел в виду, прежде всего, международное право. Радищев формально тоже говорит о международном праве: отношения Новгорода и Ивана III — межгосударственные. Но в то же время это отношения царя и республики. Следовательно, речь идет и о праве внутригосударственном. Да и Гроций не отрицал связи между ними. Позитивное право должно основываться на праве естественном. И Радищев пишет: «Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? (человека). Ответ... Все, что взять может на удовлетворение нужд своих... Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подобного себе, если например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском, кто из двух больше к приобретению имеет право? Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: кто сильнее. Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы всегда было в исполнении почитаемого пустым словом. Вопрос: что есть право гражданское?». Несмотря на шутливый ответ («кто едет на почте, тот пустяками не занимается»), пародирующий ответы Екатерины II Фонвизину, совершенно очевидно, что Радищев хотел сказать — и внутри государства право без силы остается пустым словом. Итак, отстоять и завоевать право можно, только, опираясь на силу. Таково теоретическое обоснование правомерности революции.

Радищев-революционер. Но допускал ли он возможность реформ сверху?

Программа-максимум, по мысли Радищева, могла быть осуществлена только путем революции. Что касается программы-минимум, то, как видно из «Проекта в будущем», Радищев допускал при известных условиях возможность реализации ее путем реформ «сверху». Однако это может произойти лишь в будущем. Екатерине II Радищев не верил — в противном случае личные выпады против императрицы, задевавшие ее даже как женщину, были бы непонятны.

---

[1] Гуго Гроций. Пролегомены к трем книгам о праве войны и мира, т. XX, (в книге «О праве войны и мира»), М., 1956, стр. 49.

Если же «счастливый случай» для «реформы сверху» не представится, то и программа-минимум будет осуществлена путем революции.

Следует отметить, что, по мнению Радищева, революция в России произойдет не скоро. Недаром в оде «Вольность». включенной в «Путешествие», остались без изменения слова: «Но не приспе еще година». И в 1790 году в близость русской революции Радищев не верил.

Вопреки мнению целого ряда исследователей, «Путешествие из Петербурга в Москву» отнюдь не было непосредственным призывом к революции. Если бы Радищев ставил такую цель, то он бы попытался выпустить прокламацию, произведение с конкретными политическими лозунгами и т. д. Ничего подобного в «Путешествии» нет. Это сложное философско-художественно-научно-публицистическое произведение пропагандирует революционную идеологию, но отнюдь не является непосредственным призывом к восстанию.

Цель публикации «Путешествия» четко выражена в посвящении А. М. Кутузову: «Бедствии человека происходят от человека и часто от того только, что он взирает не прямо на окружающие его предметы». Надо раскрыть людям истину: «Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь». Радищев стремился пропагандировать антикрепостнические, антисамодержавные, революционные взгляды — но не призывал пока к революции.

Но как себе представлял Радищев революцию? Каковы ее движущие силы?

Трудно согласиться с теми авторами, которые доказывают, будто Радищев видел средство изменения русского общественного и государственного строя лишь в крестьянской революции и даже призывал к ней. Где же эти призывы? «Путешествие из Петербурга в Москву» и другие произведения Радищева адресованы отнюдь не крестьянам. Вряд ли Радищев был так наивен, чтобы не знать о почти поголовной неграмотности крестьян. Если бы Радищев собирался призвать крестьян к восстанию, то он обратился бы к прокламации, популярной литературе. Впоследствии революционеры-шестидесятники и народники именно так и поступали. Радищев же ничего подобного не делал.

В «Путешествии» ни одного призыва к крестьянам, к крестьянскому восстанию нет.

Правда, Г. А. Гуковский один из таких призывов усматривал в главе «Вышний Волочок», где описывается один из помещиков, жестоко эксплуатировавших своих крепостных. Радищев пишет: «Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строго в законе на-

казания». Далее, имея в виду помещиков, чиновников, Радищев продолжает: «И суть люди, которые взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. И вы хотите называться мягкосердыми и вы носите имена попечителей о благе общем. Вместо вашего поощрения к таковому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы, и развейте пепл по нивам, на них же совершалося его мучительство». Совершенно очевидно, что это призыв к **помещикам,** а не к крестьянскому восстанию. Г. А. Гуковский пропустил в цитате фразы со словами: «И суть люди», до «о благе общем». Понятно, что данное место зазвучало по-другому. По-другому, чем у Радищева. Больше никаких, даже отдаленных намеков на «призывы» к крестьянскому восстанию в «Путешествии» нет.

Правда, как уже говорилось, «Путешествие» вообще не было непосредственным призывом к революции. Поэтому факт отсутствия призывов к крестьянскому восстанию еще не говорит о том, что Радищев не был сторонником крестьянского восстания. Он мог желать его, пропагандировать, но не призывать к нему. Поэтому приходится поставить вопрос и по-другому: есть ли основания полагать, что Радищев считал желательным и нужным крестьянское восстание, был ли он его сторонником? Мы убеждены, что нет.

Царистские иллюзии, неорганизованность, стихийность крестьянских войн привели Радищева к скептическому отношению к крестьянским восстаниям.

В «Проекте в будущем» говорилось: «Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщение грубым самозванцем, текут ему во след и ничего толико не желают, как освободиться от ига властителей, в невежестве своем другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселия мщения, нежели пользу сотрясения уз». Последняя сентенция свидетельствует, что Радищев рассматривал восстания Е. И. Пугачева — именно о нем идет речь — как мщение, но вовсе не как осмысленное политическое движение. И тем более не как революцию. Радищеву явно не хотелось повторения подобных событий.

В данном случае перед нами не призыв к революции, а запугивание помещиков — Радищев хотел доказать им необходимость освобождения их крепостных. Это особенно было подчеркнуто в следующих словах: «Вот что нам предстоит,

вот чего нам ожидать должно». Радищев прямо говорил о возможности повторения крестьянского восстания, если крепостное право сохранится: «Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитеся». Следовательно, крестьянским восстанием может воспользоваться не только тот, кто жаждет освобождения крепостных, но и «льстец человечества», который может использовать его в своих целях. Если сопоставить это со словами о крестьянах, прельщенных «грубым самозванцем», то радищевское отношение к Е. И. Пугачеву становится совершенно очевидным — оно отрицательное[1].

Правда, допускалось, что крестьян может поднять на восстание и «любитель человечества». Нельзя ли на этом основании предположить, что Радищев тем самым допускал использование такого восстания для осуществления своей программы? Нам кажется, что нет. Во-первых, это было сказано очень неопределенно, во-вторых, говорилось в тираде, явно рассчитанной на запугивание помещиков. Более вероятно, что и интересующие нас слова преследовали ту же цель, тем более, что далее говорилось: «Неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия, не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?».

И все остальные высказывания о возможности восстания крестьян в «Путешествии» преследовали ту же цель. Так, например, в «Зайцово» говорилось: «Я приметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничего не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость». Подчеркивание жестокости говорит, конечно, не о призыве к восстанию, а о напоминании помещикам неизбежных последствиях крепостничества. Для этого же был введен и образ бурлака, идущего «в кабак, повеся голову» и возвращающегося обагренным «кровию от оплеух». Он «многое может решить доселе гадательное в истории российской».

В подтверждении версии о том, что Радищев был сторонником крестьянской революции, обычно ссылаются на следующее место из главы «Городня»: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягоченные, яряса в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды

---

[1] См. Ю. Г. Оксман, указ. соч., стр. 48.

их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и право угнетения лишены.—Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие». Нам кажется, что эта цитата не говорит ни о призыве к революции, ни о том, что Радищев надеялся **только** на крестьянское восстание. Самое большое, она свидетельствует о некоторых его **колебаниях.** Но и подобный вывод нуждается в ряде оговорок.

Прежде всего следует учесть контекст. Цитируемые строки идут после слов возмущения произволом по отношению к крестьянам: «Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются, как скоты! О, законы! Премудость ваша бывает часто только в вашем слоге! Не явное ли се вам посмеяние?». Радищев, вероятнее, всего, хотел сказать, что, если будут уничтожены современные ему помещики, то государство (понимаемое им весьма абстрактно, вне его классовой сущности) ничего не потеряет. Радищев оправдывал восстание крестьян, но не призывал к нему и не считал его желательным. Правда, он его предсказывал. Но это крестьянское восстание, по мнению Радищева, произойдет лишь в том случае, если не изменится отношение к крестьянам, не будет ликвидировано крепостничество; во-вторых, оно возможно лишь в отдаленном будущем («я зрю сквозь целое столетие»).

Так как книга была адресована не крестьянам, а дворянам и разночинцам (только они и умели читать), то это место могло иметь только одно значение — запугать дворянство, заставить его освободить своих крепостных; показать всю никчемность легенды о значении дворянства для государства; воздействовать на передовых дворян и разночинцев, побудить их бороться с крепостничеством, если правительство не отменит крепостное право. Тем самым Радищев воспитывал дворянских и частично разночинских революционеров. Он считал крестьянское восстание при сохранении крепостничества неизбежным, но не хотел уничтожить феодальный строй при помощи «пугачевщины» и тем более не призывал крестьян к восстанию.

Однако, не призывая к крестьянскому восстанию, не желая крестьянской революции, Радищев оправдывал ее, доказывал краво крестьян на восстание, как на средство самозащиты. Если крепостное право сохранится, повторение пугачевского восстания неизбежно — и Радищев доказывал его правомерность. Радищев и в данном случае использовал теорию общественного договора Руссо—особенно в главе «Зайцово». Нет необходимости подробно останавливаться на этой стороне дела — она достаточно полно освещена в советской науке.

Хочется подчеркнуть другое. Признание права крестьян на восстание в случае сохранения крепостного права, понимание того, что пугачевское восстание было вызвано крепостнической эксплуатацией, явилось серьезным шагом в развитии не только русской, но и мировой политической мысли.

Дело в том, что в XVIII веке причины пугачевского восстания были далеко неясны даже многим выдающимся передовым европейским политическим мыслителям. Общеизвестно иронически-отрицательное отношение к Е. И. Пугачеву и к пугачевскому восстанию Вольтера. И «патриарх философов» не был исключением. Так, немецкому демократу К. Шубарту Пугачев представлялся, прежде всего, самозванцем, героическим преступником, борющимся за царскую власть— наподобие лжедимитрия. В его политической газете «Немецкая хроника» 19 января 1775 года сообщалось: «Пугачев ведет себя в тюрьме чрезвычайно дерзко. При первом допросе он сказал своим судьям: - «Вы называете меня мятежником и взираете на меня с высокомерием судей — теперь, когда цепи звенят на моих ногах. Если бы мне благоприятствовало счастье, вы бы склонились передо мною, как рабы... Если бы с оружием в руках я дошел до Петербурга, то весь мир воскликнул бы в изумлении: «Пугачев — великий человек, второй Тимур-бек!»[1]. Политический руководитель Майнцской республики И. Форстер в «Парижских очерках» (1793 год) писал: «Если хан или визирь идет против своего султана, если в России Пугачев поднимает восстание, — такие революции, каков бы ни был их исход, бесплодны для человечества, потому что их зачинщики преследуют свои личные, эгостические цели, и гуманные побуждения не могут служить им ни предлогом, ни средством к осуществлению их чаяний»[2].

Даже французский поверенный в делах в России Э. Жене 3 ноября 1789 года писал Монморену: «Если русские крестьяне, которые не имеют никакой собственности, которые все находятся в состоянии рабства, разорвали бы свои оковы, их первым движением было бы перебить дворянство... и эта столь цветущая страна была бы ввергнута в ужаснейшие бедствия»[3].

Радищев гораздо глубже понял причины и смысл пугачевского восстания. Он увидел в нем проявление классовой борьбы, пришел к выводу, что восстание было вызвано невыносимой эксплуатацией крепостников.

---

[1] «Немецкие демократы XVIII века», редакция В. М. Жирмунского, М., 1956, стр. 99.

[2] Там же, стр. 367.

[3] «Литературное наследство», т. 33—34, М., 1939, стр. 42.

И это оказало огромное воздействие на всю русскую прогрессивную общественно-политическую мысль первой половины XIX века — на декабристов и Герцена[1].

В то же время для Радищева были очевидны и слабые стороны крестьянского движения — отсутствие четкой политической программы, стихийность, неорганизованность. Поэтому революция и крестьянское восстание для него отнюдь не синонимы.

Но как же представлял себе Радищев революцию, ее движущие силы?

Революция, призванная осуществить программу-максимум, представлялась Радищеву народной революцией. В ней примет участие весь народ, все «третье сословие». Строка «Вольности»: «Среди огней, кровавых рек» — говорит за то, что будущая революция рисовалась Радищеву как жестокая гражданская война. А это могло быть скорее всего при народной революции. Высокая оценка английских и американских революционеров, Вашингтона и Кромвеля, свидетельствуют о том, что Радищев положительно относился к опыту этих буржуазных революций — в том числе к их движущим силам. А это было восстание всего «третьего сословия». И Радищев. вероятно, мыслил будущую русскую революцию наподобие американской и английской. Это подтверждается и его отношением к первому году французской буржуазной революции. Правда, в нашем распоряжении слишком мало материала по данному вопросу — всего несколько страниц «Путешествия», включенных в текст книги после цензурного разрешения. Но и они показывают, что движущие силы французской революции отнюдь не критиковались Радищевым. Все его симпатии на стороне Мирабо — сторонника «умеренной» народной революции. Мирабо, из самых популярных деятелей французской революции, противник дворянских привилегий и абсолютизма, был не только сторонником сохранения формально-монархического строя, защитником вето короля, но и противником представления социальным низам слишком большой самостоятельности. 23 июля 1789 года, после народного волнения в Париже, когда погибли Фулон и Бертье, Мирабо произнес в собрании характерную речь: «Общество скоро распалось бы, если бы толпа приучилась к крови и беспорядкам, приучилась ставить свою волю выше всего и бравировать законы».

Вероятно, подобные мысли не отталкивали Радищева. В последней главе «Путешествия» («Слово о Ломоносове») Мирабо дается самая лестная характеристика. Правда, речь

---

[1] Ю. Г. Оксман, ук. соч., стр. 48.

идет о его ораторских дарованиях. Но Радищев выделяет, прежде всего, таких ораторов, политические взгляды которых импонируют ему. Помимо Мирабо, это Борк, Фокс (из новейших), Демосфен, Цицерон (из древних). Можно поэтому думать, что взгляды Мирабо на революцию не слишком противоречили радищевским.

Итак, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» был сторонником народной революции. Но не крестьянской, а восстания всего «третьего сословия». Теория неограниченного народного суверенитета, сторонником которой был Радищев, неизбежно вела к признанию народной революции.

Таким образом, вопрос о движущих силах революции решался Радищевым очень сложно и оригинально. Скептическое отношение к крестьянскому восстанию и в то же время понимание того, что сохранение крепостного права сделает неизбежным повторение пугачевской эпопеи, сделало Радищева предшественником декабристов.

Признание необходимости народной революции, восстания всего «третьего сословия» делало Радищева предшественником и революционеров-демократов—В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского. Он явился зачинателем русской революционной мысли.

Но Радищев был не только мыслителем, теоретиком, а и крупнейшим политическим деятелем. Он отнюдь не собирался сложа руки ожидать будущую русскую революцию, не хотел ограничиться ее пропагандой. На тот период времени, когда народная революция в России представлялась ему еще нереальной, Радищев пытался связаться с передовыми офицерами (прежде всего, Балтийского флота), левым крылом русского масонства, купечеством, сановной оппозицией—со всеми недовольными. Опираясь на них, Радищев готов был, по-видимому, и на насилие по отношению к царской власти. Предреволюционная обстановка и революция во Франции могли только активизировать Радищева[1].

Таков Радищев-революционер периода «Путешествие из Петербурга в Москву».

---

[1]См. Г. А. Гуковский, указ. соч., стр. 430 — 432.

IV

А. Н. РАДИЩЕВ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В работе «Социализм и война» В. И. Ленин указывал, что «Новую эпоху в истории человечества открыла великая французская революция»[1]. Она революционизировала всю Европу. Отзвуки французской революции были и в России. Они радикализировали русскую общественно-политическую мысль. В. И. Ленин отмечал разрушение и потрясение феодализма «всей старой, крепостнической Европы»[2] революционными войнами Франции. Однако восприятие передовых идей французской революции в России шло очень сложным путем.

В России французская революция первоначально встрети-
к французской революции (хотя не все одобрял), а в конце
и разночинцев. Но к концу XVIII — началу XIX века отношение стало иным — французская революция разочаровала передовых русских мыслителей. И лишь после окончания войны 1812—1814 годов ее результаты были одобрены передовыми русскими политическими деятелями. Мы остановимся на частном вопросе этой проблемы — на отношении к французской революции А. Н. Радищева.

В 1789—1790 годах он в общем сочувственно отнесся к французской революции (хотя не все одобрял), а в конце XVIII — начале XIX века разочаровался в ней. Радищев, как и все французские мыслители, мечтал об установлении «царства разума» на земле. Казалось, что оно осуществится в ходе революции. Но этого не произошло. Французская революция кончилась совсем не тем, чего ждали передовые мыслители. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализованным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что естественное равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а существеннейшим из прав человека было объявлено право буржуаз-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 271.
[2] Там же, стр. 272.

ной собственности. Разумное государство и «общественный договор» Руссо оказались и могли оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»[1].

Радищев объективно боролся за буржуазный строй. Но субъективно он был уверен, что капитализм явится «раем» для всех. Нельзя не вспомнить при этом классического положения В. И. Ленина: «у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово (буржуа—В. П.), связывая с ним **(без различия исторических эпох)** своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII в. (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х гг. **все** общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его»[2]. Верил в «общее благоденствие» и Радищев. А события во Франции не привели к нему. Идеалы «Вольности» и послереволюционная действительность отнюдь не совпадали и Радищев разочаровался во французской революции.

В его мировоззрении было существенное противоречие. Радищев мечтал о счастье **всего** народа, самых низших его слоев. Но возможности другого социального строя, кроме буржуазного, он не видел. Буржуазный же строй не дал счастья народу. Это объясняет и горькое разочарование Радищева и то, что он не видел реального выхода из создавшегося положения[3].

Как же конкретно проявлялось и менялось отношение Радищева к французской революции? К сожалению, о 1789—1790 годах (до ареста) сохранилось немного сведений. Мы не знаем, как он откликнулся на взятие Бастилии. Ни письма того времени, ни мемуары не содержат нужных нам материалов. Единственным источником является «Путешествие из Петербурга в Москву», ряд мест которого были написаны после начала революции. По ним мы и можем судить об отношении Радищева к событиям во Франции.

Французская революция в целом, ее характер, движущие силы встретили сочувственное отношение со стороны Радищева: Одному из крупнейших деятелей начального периода революции, Мирабо, им давалась блестящая характеристика.

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Партиздат, 1936, стр. 12.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.
[3] Это характерно и для «Опыта теории налогов» Н. И. Тургенева.

Против начавшейся революции в целом Радищев не выдвигал никаких возражений. Однако далеко не все во французской революции было приемлемо для Радищева. Отдельные стороны ее заставили насторожиться Радищева — и у него уже в «Путешествии» проявилось некоторое разочарование французской революцией. На это обратил внимание В. П. Семенников[1].

В «Путешествии из Петербурга в Москву» есть и критические отзывы о французской революции. В «Кратком повествовании о происхождении цензуры» говорится: «Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, ценсура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, — да восплачут французы о участи своей и с ними человечество! — мы читали, недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О, Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей»[2].

Между тем, Национальное собрание вынуждено было встать на путь некоторого ограничения свободы печати. 20 января 1790 года аббат Сиейс, зачитывая в собрании законопроект о печати, сказал: «Свобода печати, как все свободы, должна все же иметь законные границы». Были случаи запрещения отдельных изданий, привлечения авторов к ответственности. Радищев был возмущен этим. В его представлении, французские революционеры восстанавливали тем самым деспотизм — ничуть не лучше королевского.

К тому же Радищев не одобрял слишком активного вмешательства низов народа в ход революции. В приведенном отрывке он высказывал мнение, будто во Франции «необузданность и безначалие дошли до края возможного». Это писалось в конце 1789—начале 1790 годов. Что же подразумевал Радищев под «необузданностью и безначалием»?

Вероятно, активное вмешательство низов народа в ход революции. По-видимому, имелись в виду казни Фуллона и Бертье, наделавшие много шума, вызвавшие возмущение Мирабо[3] и, вообще, подобные «эксцессы». Такая позиция отнюдь не означала порицания революции вообще. Так же думал

---

[1] В. П. Семенников. Радищев, стр. 42—54.

[2] Радищев. Полное собрание сочинений, 1, стр. 347.

[3] См. Луи Блан. История французской революции, т. II, русское издание, СПб, 1907, стр. 343—353.

и ряд умеренных деятелей французской революции. Мирабо, например, после казни Фуллона и Бертье заявил, что режим народных вспышек не может продолжаться без того, чтобы не заставить рано или поздно смотреть даже на деспота, как на спасителя. Лафайет подал в отставку. Национальное собрание в своем большинстве было обеспокоено[1]. Позиции Радищева и Мирабо в данном случае были довольно близки.

«Необузданность и безначалие» во Франции тем более беспокоили Радищева, что он придерживался теории «исторического круговорота» и опасался, что «необузданность» приведет, в конце концов, к восстановлению королевского абсолютизма.

В. П. Семенников видел в этом главную (даже единственную) причину скептических ноток по отношению к революции в «Путешествии»[2]. Это преувеличение. И все же «циклическая теория» сыграла большую роль в появлении у Радищева неодобрительных отзывов о некоторых сторонах французской революции.

«Циклическая теория» появилась очень давно. Ее развивал еще Полибей. Согласно его учению монархия переходит в тиранию, та в аристократию, аристократия — в олигархию, олигархия в демократию. Пока в ней живут люди умеренные, все идет хорошо. Но привычка к свободе ведет ко всеобщему разгару страстей и демократия превращается в охлократию. Водворяется полная анархия, выдвигается демагог, который порабощает народ и становится тираном. Так, по Полибию, совершается круговорот политических форм.

Подобную мысль высказывал и Платон.

Учение об «историческом круговороте» разделял и Монтескье[3].

В «Духе законов» говорилось: «Итак, демократия должна избегать двух крайностей: духа неравенства, который ведет ее к аристократии или правлению одного, и доведенного до крайности духа равенства, который ведет к деспотизму одного так же неминуемо, как деспотизм одного заканчивается завоеванием»[4]. Такой взгляд, по-видимому, разделялся и Радищевым. И его беспокойство в связи с «безначалием и необузданностью» во Франции были вызваны тревогой за судьбу французской революции. Радищев опасался, как бы события в Париже не кончились установлением тирании. Еще до революции в главе «Подберезье» Радищев писал: «Оглянись

---

[1] Луи Блан. История французской революции, II, стр. 353—354.
[2] В. П Семенников. Радищев, стр. 42—54.
[3] См. Ш. Монтескье. Дух законов. Книга восьмая; его же Размышления о причинах величия и падения римлян.
[4] Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 255.

назад, кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет: невежество, рабство, инквизация и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суеверия до безголосицы; давно ли Фридрих неутолимый его был враг нетокмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, и державным своим примером. Но в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало... Христианское общество вначале было смиренно, кротко, скрывалося в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалося суеверию, в исступлении шло стезею народам обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и папа стал всесильный из царей. Лутер начал преобразование, воздвиг раскол, изъялся из-под власти его и много имел последователей. Здание предубеждения о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, попрала огромный оплот предрассуждений, но не долго пробыла в сей стезе. Вольность мыслей вдалася необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять»[1].

Радищев опасался, что этот процесс может начаться в недалеком будущем: «Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию».

Радищев имел в виду некоторые масонские сочинения: «Разверни новейшие таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл; когда задачею любомудрия почиталося и на решение исследователей истинны, отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ».

По мнению Радищева, процесс восстановления «суеверия» закончится через несколько поколений: «Счастливыми називаться мы можем: ибо не будем свидетели крайнего посрамления разумныя твари. Ближние наши потомки счастливее нас еще могут быть. Но пары, в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг. Блаженны, если не узрим нового Магомета, час заблуждения еще отдалится. Внемли, когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и восстает муж твердый и предприимчивый, на истинну, или на прельщение, тогда последует премена царств, тогда премена в исповедываниях»[2].

---

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, 1, стр. 260—261.,
[2] Там же, стр. 261.

В. П. Семенников пытался доказать, будто тирада «Но дивись несообразности разума человеческого» продолжает эту мысль и утверждал, что если за два—три года до французской революции Радищев еще не считал, что «необузданность и безначалие дошли до края возможного», то в 1790 году он пришел именно к такому выводу[1].

Толкование Семенникова представляется нам не совсем точным. В двух приведенных цитатах говорится отнюдь не об одинаковых вещах.

В «Подберезье» речь идет о свободе от религиозных суеверий, а в «Кратком повествовании о происхождении цензуры» — о **политической** свободе. Поэтому нет оснований утверждать, что, по мнению Радищева, в 1790 году философское «вольнодумство» дошло «до края возможного» — автор «Путешествия» имеет в виду **политическую жизнь,** активность городских низов.

Но бесспорно одно — между религиозными суевериями и деспотизмом Радищев видел тесную связь и возможность восстановления религиозных суеверий усиливала опасения Радищева за судьбу французской революции. В его представлении все могло закончиться возвращением к прежнему состоянию — к варварству средних веков.

И чем большими будут «необузданность и безначалие», т. е. самостоятельность низов, тем скорее может погибнуть свобода во Франции. Радищев считал своим долгом напомнить об этом — разумеется, не столько французам, сколько русским для будущей русской революции. Он прямо говорит об этом: «Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезной был бы труд писателя, показавшего нам из прежних деяний, шествие разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выспренностей ее, и когда, утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд его писателя бесполезен не будет: ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранит хотя некоторых от пагубные стези».

Итак, отрицательное отношение к некоторым сторонам французской революции в «Путешествии из Петербурга в Москву» определялось тем, что Радищев не мог примириться ни с какими ограничениями свободы печати, слова и т. д., не одобрял слишком большой политической самостоятельности низов и опасался, что все это приведет к восстановлению деспотизма.

---

[1] В. П. Семенников. Радищев, стр. 47.

Симпатии Радищева на стороне Мирабо — более радикальные деятели неприемлемы для автора «Путешествия».

Скептическое отношение Радищева к ряду сторон французской революции усиливалось и его частичным разочарованием в американской революции. Правда, в общем, Радищев по-прежнему оценивал ее положительно. В «Кратком повествовании о происхождении ценсуры» с удовлетворением отмечалось: «Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими». В какой-то мере американская революция в этом отношении даже противопоставлялась французской — сразу после похвал Америке в тексте идет порицание стеснений свободы печати во Франции после «перемены 1789 года»[1].

И все же прежнего безусловно положительного отношения к американской революции, характерного для времени создания «Вольности», в «Путешествии» нет. И недаром, включая оду «Вольность» в «Путешествие», Радищев несколько изменил ее текст. Выброшены строки, имеющие непосредственное отношение к Америке. Нет не только имени Вашингтона, но и всех слов, говорящих об Америке, о войне за независимость. («Двулична бога храм закрылся» и т. д.). Теперь «царство свободы» рисуется не на примере Америки, а абстрактно[2]. Если бы эта часть «Путешествия» писалась после взятия Бастилии, то можно было бы предположить, что Радищев пошел на такие изменения, чтобы акцентировать внимание на французской революции. Но текст «Вольности» был включен в книгу до цензурного разрешения, т. е. до 22 июня 1789 года. Следовательно, французская революция здесь не причем.

Вероятно, дело в том, что Радищев разочаровался во многом в американской революции. И поэтому «царство свободы» рисуется не на примере заокеанской республики, а абстрактно, вообще.

Радищев не мог примириться с сохранением рабства негров в Америке. В «Проекте в будущем» говорится: «Заклав индийцов единовременно, злобствующие европейцы, проповедчики миролюбия во имя бога истины, учители кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения, приобретением неволников куплею. Сии то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутые своих домов и семейств, переселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства, вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся... О, дабы спустети паки обильным сим стра-

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, 1, стр. 346—347.
[2] Там же, стр. 361.

нам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, изтребил все драгие Америки произведения!»[1]. Разумеется, что речь идет не только о Соединенных Штатах, а об Америке в целом — в том числе и Южной. Но характерно, что и для Соединенных Штатов Радищев не делает исключения.

Итак, к концу 80-х — началу 90-х годов Радищева разочаровали некоторые стороны не только французской, но и американской революции. Но именно некоторые стороны. В общем, обе революции одобрялись Радищевым. И все же некоторый скепсис по отношению к французской и американской революциям у автора «Путешествия» был налицо.

Находясь в ссылке, Радищев внимательно следил за событиями во Франции — об этом свидетельствуют его письма к А. Р. Воронцову[2].

К сожалению, составить сколько-нибудь полное представление о радищевской позиции в этом вопросе в годы ссылки невозможно. Единственный источник — письма (в основном, к А. Р. Воронцову). И если порицать французскую революцию в них ничто не мешало, то отзываться о ней положительно было крайне рискованно. Мы не можем поэтому сказать, насколько откровенным был Радищев в письмах 1790—1800 годов.

Неудивительно, что о французской революции в переписке говорится мало. Но кое-какие данные из нее почерпнуть все же можно. В первой половине 1791 года Радищев, в общем, положительно оценивал французскую революцию. Об этом свидетельствует письмо А. Р. Воронцову от 2 мая 1791 года. Радищев очень интересуется работой Национального собрания, возмущается нападками на него: «Шутка «Лондонского курьера», заимствование из английского памфлетного издания под названием «Таймс» или «Время», хотя по-британски тяжеловесна, но достаточно в их духе. Там сказано, что Национальное собрание собирается издать закон, по которому левая рука отныне будет называться правой, потому что сердце помещается с левой стороны, а нельзя считать правым то, где расположена благородная часть человеческого тела».

Этой «шутке» Радищев противопоставляет «хорошие сочинения». С удовлетворением отмечается, что «Более всего внимания французы уделяют политике и законодательству. Сочинение де Бросса «О способе упрощения сбора податей и отчетности», насколько можно судить по выписке, предлагает ясный метод и уточняет предметы, на которые следует обратить внимание. «Политическое положение Франции» Пейссо-

---

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, 1, стр. 317.
[2] Там же, т. 3, стр. 359, 362, 369—371, 407, 477, 501, 523.

неля — сочинение, которое я читал еще в Петербурге[1]. — хорошо написано, притом мастером своего дела».

Но особенно интересовали Радищева сочинения Кондросэ; «Мне бы очень хотелось прочесть творения Кондорсэ, а также его комментарии в книге англичанина Смита»[2].

Письмо это было послано с курьером, и Радищев, по-видимому, в нем откровеннее, чем в большинстве корреспонденций. В дальнейшей переписке откликов на события во Франции почти нет (до 1798 года). Лишь в письме от 26 ноября 1791 года говорилось о «французских безумствах»[3]. Что конкретно имеется в виду, Радищев не поясняет.

Бросается, однако, в глаза одно обстоятельство. До 1798 года Радищев не порицает французскую революцию. Опасениями перлюстрации писем это объяснить, конечно, нельзя. Вероятно, Радищев в те годы к французской революции относился, в общем, положительно. Даже якобинская диктатура ни разу не порицалась им. Робеспьер, которому Радищев позже даст резко отрицательную характеристику, пока не упоминается. Вероятно, якобинская диктатура не испугала Радищева, хотя вряд ли он одобрял якобинский террор. Якобинцы не оттолкнули Радищева от французской революции. Это сделала директория. В 1798 году (точная дата неизвестна) Радищев писал А. Р. Воронцову: «Я приношу вашему сиятельству бесконечную благодарность за газеты, которые вы любезно мне прислали. Среди всех повременных листков, будь то на французском языке или на немецком, попадавшихся мне в руки за последние десять лет, нет ни одного, что написан был бы слогом таким же сжатым, таким же сильным и сообразным с предметом, как листок «Лондонского Меркурия». Если бы можно было не подозревать, что он на жалованье у английского министерства, то несмотря на то, что он не более как газетчик, он мог бы найти почетное место среди историков своего времени. Если же эта чрезмерная угодливость английскому правительству и не позволит потомкам назвать его новым Тацитом, чьим именем поспешили его пожаловать некоторые торопливые хвалители, то во всяком случае, он будет достоин этого прозвища, поскольку разумно судить о **пятиглавой и ненавистной всем гидре французского правительства**»[4].

Итак, в 1798 году к директории у Радищева явно отрица

---

[1] Сочинение французского публициста Шарля Пейссонеля «Политическое положение Франции и ее современные отношения к европейским державам» было издано в 1789 г. в Швейцарии, в 1790 г. переиздано в Париже.

[2] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, 3, стр. 369—370.

[3] Там же, стр. 407.

[4] Там же, стр. 523. (Подчеркнуто мною.—В. П.).

тельное отношение и высказывалось оно отнюдь не на случай перлюстрации. Письмо отправлялось с оказией и приведенная выдержка предназначалась только для А. Р. Воронцова, с которым Радищев был совершенно откровенным.

Вероятно, директория вызвала возмущение Радищева. В его представлении она отнюдь не означала свободы. К тому же он, по-видимому, усматривал в установлении директории начало «круговорота» — «народное правление» превращалось то ли в олигархию, то ли в тиранию. Опасения, высказанные Радищевым в «Путешествии», на его взгляд, оказались не напрасными.

Консульство Бонапарта окончательно убедило его в том, что «круговорот» налицо. «Необузданность и безначалие» закончились тиранией Наполеона.

И Радищев пришел к выводу, что французская революция была бесполезной. Королевский деспотизм сменился наполеоновским. Ничего не изменилось. «Царства разума» на земле не установилось. Идеалы французских мыслителей XVIII века (и его собственные) не осуществились. Эти мысли нашли выражения в двух произведениях Радищева, написанных в начале XIX века—в стихотворении «Осмнадцатое столетие» и в неоконченной поэме «Песнь историческая».

Стихотворение «Осмнадцатое столетие» написано в начале XIX века[1]. На наш взгляд, оно было создано сразу же по воцарении Александра I. Недаром в нем содержатся явные отклики на манифест о вступлении на престол нового царя. Так, например, совершенно неожиданно Радищев отзывается положительно о Екатерине II: «Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами». В чем же дело? Думать, что автор «Путешествия» «примирится» с памятью своего палача (как это полагал В. П. Семенников[2]) нет ни малейших оснований. Скорее другое. Радищев учел фразеологию и, вообще, особенности александровского манифеста о вступлении на престол. Там обещалось «управлять... по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великие, коея память нам и всему отечеству вечно пребудет любезна, да, по ее премудрым начертаниям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем подданным нашим»[3].

О Екатерине II в манифесте говорилось, по существу, не как о реальном историческом деятеле, а как о символе ре-

---

[1] См. Комментарий Г. А. Гуковского в I томе Полного собрания сочинений Радищева, стр. 458.

[2] В. П. Семенников. Радищев, стр. 113.

[3] Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, т. II, СПб, 1897, стр. 6.

форм, противопоставления мрачному павловскому царствованию. Имелись в виду многочисленные реформаторские жесты Екатерины, прежде всего, ее «Наказ».

В этом же смысле упоминает Екатерину II и Радищев. Он приветствует ту именно часть манифеста, где обещались реформы — в форме обещания царствовать в духе Екатерины II. «Осмнадцатое столетие» явно относится к той серии стихотворений, которые появились после вступления Александра I на престол[1].

Радищев подытоживает итоги XVIII века, французской революции и ставит вопрос о путях дальнейшего исторического развития России — в связи со вступлением на престол нового царя.

Правда, в литературе делались попытки по-другому датировать «Осмнадцатое столетие». Так, Г. П. Макогоненко доказывает, что стихотворение начало писаться в конце XVIII века (возможно, в 1799 году) и работа над ним была прервана осенью 1801 года.

Мы не можем согласиться с этим.

В чем суть аргументации Г. П. Макогоненко?

Он ссылается на то ,что в стихотворении много глаголов настоящего времени: «с звуками грома течет наше столетие туда», «ниспадаеть во граб». Отсюда Макогоненко делает вывод, что стихотворение начало писаться еще в конце XVIII века, когда XVIII столетие уходило, но еще не ушло. Макогоненко связывает его с 1799 годом, с суворовским походом и с переворотом 18 брюмера.

С этим трудно согласиться. Сказать «течет» столетие и т. д. можно было и весною 1801 года — по сравнению с вечностью, куда уходит прошлый век, несколько месяцев — ничтожный срок. Да и вообще, в «Осмнадцатом столетии» глаголы употребляются то в настоящем, то в прошедшем времени. Возьмем для примера первые три строки:

Урна времян часы изливает каплям подобно;
Капли в ручьи **собрались,** в реки ручьи **возросли,**
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны[2],

И далее:

Веки в него **протекли,** в нем **исчезает** их след...
С звуками грома течет наше столетье туда[3].

Радищев явно употребляет в **однозначном** смысле глаголы настоящего и прошедшего времени. К тому же нельзя не учи-

---

[1] См. о них А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в., М.—Л., 1957, стр. 65—68.

[2] Подчеркнуто мною.—В. П.,

[3] Подчеркнуто мною.—В. П.

тывать и своеобразия аллегорического языка Радищева в начале стихотворения. Он говорит о «море» «вечности». Туда стекают «ручьи» времени. И если здесь, в «живущем мире», «ручей» XVIII века уже «излился», то в отдаленном «море» «вечности» он только еще появился и изливает там «пенистые волны». Поэтому и говорится «течет наше столетье туда».

И что значит «уход» столетия? Ведь это не просто календарь. Речь идет об «уходе» в прошлое политических идей, исторических событий XVIII века. А они не исчезают в ночь с 31 декабря на 1 января. Это сложный и длительный процесс. И если бы Радищев начал писать стихотворение в конце XVIII века, то он бы и закончил его до начала XIX — тема слишком волновала автора, чтобы небольшое стихотворение писалось почти год.

В конце XVIII века положительный отзыв о Екатерине II был бы непонятен. А он содержится почти в начале стихотворения:

Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.

Мы согласны с теми исследователями, которые датируют «Осмнадцатое столетие» весной 1801 года, началом александровского царствования. И уж совсем необоснованным кажется нам предположение Г. П. Макогоненко, будто «летом или осенью 1801 года... была написана последняя часть «Осмнадцатого столетия»... Докончив его летом — осенью 1801 года, Радищев... усомнился в правильности своих надежд на Александра» и поэтому не опубликовал стихотворения[1]. Это попытка решить одно неизвестное при помощи другого. Кто доказал, что осенью 1801 года Радищев разочаровался в политике Александра? Никто. И разве Радищев не мог воздержаться от публикации стихотворения по другим причинам? Может быть, он считал его неудачным в художественном отношении? Может быть, он решил вместо него написать поэму — «Песнь историческая»?

Стремление Г. П. Макогоненко связать слово «мир» с мирным договором между Россией и Францией от 8 октября 1801 года мало убедительна. О мире стали говорить сразу же по вступлении Александра I на престол. Достаточно было и основной линии его внешней политики, можно было не ожидать юридического оформления прекращения состояния войны, чтобы заговорить об эре мира. Многочисленные стихотворения в честь нового царя, написанные весною 1801 года, недвусмысленно свидетельствуют об этом.

---

[1] Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 592—595.

Попытку Г. П. Макогоненко дать иную датировку «Осмнадцатого столетия» нельзя признать удачной. Подытоживая итоги XVIII века, Радищев высказывает свое мнение о французской революции и о возможности реформ «сверху» по инициативе царя Александра I.

К французской революции Радищев относится явно отрицательно. Она скомпрометировала великие идеи просветителей XVIII века. Прошедшее столетие «безумно и мудро».

«Мудрость» в мысли, во французской просветительной философии, в величайших научных достижениях: в изобретении воздушного шара («летучи пара ты заключило в ярем»), громоотвода («Молнью небесну сманило во узы железны на землю»).

Философия XVIII века покончила со многими предрассудками: «Мужественно сокрушило железны ты двери призраков, Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал». Главная заслуга XVIII века то, что оно «творец было мысли». Мысль XVIII века — величайшее достижение человечества. И поэтому Радищев восклицает: «О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь.

Истину, вольность и свет, ясно созвездье во век.

Но просвещение XVIII века оказалось не настолько сильным, чтобы смогло обеспечить благоденствие человечества:

Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних,
Пал пред твоим алтарем ниц и безмолвлен, дивясь,
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брыжжущих пламенный яд чрез многотысящный век.

Свидетельства тому—французская революция, и Радищев продолжает:

Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляет цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нивах
В мирных долинах, в лучах, мычется в бурной волне.
Зри их сопутников черных!—ужасны... идут—ох! идут,
зри (яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор!

Французская революция не осуществила идеалов просветителей XVIII века. Напротив:

И сокрушил, наконец, корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастие, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый.
Зри, восплывают еще страшны обломки в струе.

Отрицательная оценка французской революции привела Радищева к скептическому отношению к насильственной революции вообще. И не случайно, что об американской революции, которую Радищев воспевал в «Вольности» в «Осмнадцатом столетии» упоминается мимоходом, бегло — одной фразой:

«Из океана возникли новы народы и земли» (причем здесь подразумевается не только образование американской республики, но и географические открытия).

Радищев по-новому смотрит теперь на лучшее будущее мира. Оно связывается с Россией, с политикой Александра I.

Радищев по-прежнему верит в объективную неизбежность исторического прогресса (опираясь на циклическую теорию):

Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?—
Из недр гроба столетия глас утешения изыде:
Срини отчаяние! смертный, надейся бог жив...
Утро столетия нова кроваво еще не явилось,
Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму.

Теперь надежды Радищева связаны с политикой Александра I. В «Осмнадцатом столетии» всячески подчеркивается прогрессивная роль Петра I и Екатерины II:

Свет ты на землю снеси, молньи смертельны оставь.

Радищев верит в благие реформаторские намерения царя:

Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами,
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда Александр, будь у нас...

Итак «Осмнадцатое столетие» свидетельствует о разочаровании Радищева во французской революции, не осуществивший идеалов просветителей XVIII века, не установившей «царства разума на земле», не обеспечившей всеобщее счастье. Радищев разочаровывается во французской революции потому, что ждал от нее большего. В какой-то мере он почувствовал несправедливость буржуазного строя. Но преодолеть буржуазную идеологию в российских условиях Радищев не мог.

Все это определило и его отношение к французской революции. Он порицал ее до конца своей жизни. Отрицательные отзывы о французской революции, о якобинской диктатуре

встречаем и в «Песни исторической». Так, говоря о Сулле, который «Хладнокровный был убийца, всех ему врагами бывших»,

Радищев пишет: Нет, ничто не уравнится
Ему в лютости толикой,
Робеспьер дней наших разве.

Итак, Радищев разочаровался во французской буржуазной революции, в ее результатах. А это усилило его своеобразные «монархические» иллюзии, веру в возможность проведения реформ «сверху». Политика Александра I, его многообещающие декларации, либеральные жесты действовали на Радищева в том же направлении.

Однако Радищев был слишком трезвым мыслителем, чтобы долго обольщаться реформаторскими потугами правительства. К осени 1802 г. он совершенно разочаровался в политике Александра I, пришел к выводу о полной бесперспективности «дней александровых прекрасного начала». Но и к французской революции его отношение не изменилось. Так возникла своеобразная «духовная драма» А. Н. Радищева в 1802 году. Развязкой ее было самоубийство Радищева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выход в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» был расценен Екатериной II как отзвук французской революции в России. Статс-секретарь императрицы записывал в дневнике 26 июня 1790 г.: «Говорено о книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Тут рассевание заразы французской: отвращение от начальства... открывается подозрение на Радищева».

30 июня 1790 г. Радищева арестовали. С судом над ним очень спешили. 24 июля 1790 г. петербургская уголовная палата вынесла Радищеву смертный приговор. 26 июля сенат утвердил приговор судебной палаты. Лишь 4 сентября 1790 г. Екатерина II заменила смертную казнь ссылкой в Сибирь, в Илимский острог, на 10 лет. «Помилование» мотивировалось торжествами по случаю заключения мирного договора со Швецией.

В Сибири Радищев провел шесть лет. В конце 1796 г. умерла Екатерина II. Ей наследовал ее сын, Павел I, отменявший большинство распоряжений своей матери. Новый император позволил Радищеву вернуться в Европейскую Россию, однако с условием жить в деревне, под полицейским надзором. Лишь в 1801 г. Александр I восстановил Радищева в дворянском

звании, чине, ордене. Радищев вернулся на государственную службу. Но скоро стало ясно, что ему не по пути с александровским правительством. Перспектив революции в России на ближайшее время не было. Не видя больше возможности успешной борьбы и опасаясь нового ареста, Радищев 11 сентября 1802 г. покончил с собой, сказав перед смертью: «Потомство отомстит за меня».

И он не ошибся. Имя Радищева вдохновляло на борьбу декабристов, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, большевиков.

«Вслед Радищеву» пошло несколько поколений русских революционеров.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Владимирович ПУГАЧЕВ

А. Н. РАДИЩЕВ.

Редактор *М. Н. ВДОВИН*

МЦ 17317. Подписано к печати 30.12.1960 г. Бумага 60×92.
Печ. л. 6. Зак. 1918. Тираж 600 экз.

Типография ЭМ ГИФТИ, г. Горький, ул. Свердлова, 37.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

На стр. 83 пропущена 11 строка. Всю фразу следует читать: «В России французская революция первоначально встретила восторженный прием со стороны передового дворянства и разночинцев».